

Неофициальный перевод волонтеров_к Human Constanta
**Решения Европейского суда по правам человека по делу М.А. и другие против
Литвы 59793/17**

1799/5000
ЧЕТВЕРТАЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО М.А. И ДРУГИЕ ПРОТИВ ЛИТВЫ

(Жалоба № 59793/17)

СУДЕБНОЕ РЕШЕНИЕ

СТРАСБУРГ

11 декабря 2018 года

Это решение станет окончательным при обстоятельствах, изложенных в пункте 2 статьи 44 Конвенции. Оно может быть подвергнуто редакционной правке.

По делу «М.А. и другие против Литвы»
Европейский Суд по правам человека (Четвертая секция), заседая Палатой,
состоящей из:
Ganna Yudkivska, Президента,
Paulo Pinto de Albuquerque,
Faris Vehabović,
Egidijus Kūris,
Georges Ravarani,
Marko Bošnjak,
Péter Paczolay, судей,
и Andrea Tamietti, заместителя Секретаря Секции,
Проведя закрытое заседание 16 октября 2018 года,
Выносит следующее решение, которое было принято в этот же день:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было возбуждено по жалобе (№ 59793/17) против Литовской Республики, поданной в Суд в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав

человека и основных свобод (далее – «Конвенция») семью гражданами Российской Федерации: г-ном М.А. («первый заявитель»), г-жой М.А. («вторая заявительница») и их пятью детьми («остальные заявители») 25 июля 2017 г. Суд решил, что личности заявителей не должны раскрываться общественности (согласно пункту 4 правила 47 Регламента Суда).

2. Заявителей представлял г-н Н. Матющенко, правозащитник, проживающий в Минске. Правительство Литвы («Правительство») представляла г-жа К. Bubnytė-Širmenė.

3. Заявители утверждали, что литовские пограничные службы отказались принять их ходатайства о предоставлении убежища и начать процедуру рассмотрения просьбы об убежище, и что у заявителей не было эффективного средства правовой защиты против этих решений. Они ссылались на статьи 3 и 13 Конвенции.

4. 11 октября 2017 года жалоба была передана Правительству.

Факты

I. Обстоятельства дела

5. Первый заявитель родился в 1988 году, вторая заявительница родилась в 1994 году, остальные заявители родились в 2010-2016 годах. Согласно последнему письму, направленному их представителем в Суд 20 мая 2018 года, в настоящее время они проживают в Польше, где их ходатайства о предоставлении убежища находятся на рассмотрении.

А. События в Чеченской Республике и первые попытки заявителей въехать в Польшу.

6. Заявители проживали в Чеченской Республике. По их словам, события, которые привели к их отъезду, были следующими.

7. В 2005-2006 гг. у первого заявителя начались проблемы с российскими службами безопасности. Он полагал, что причиной этому стало участие его родственников во второй чеченской войне. Офицеры из районного отделения полиции приходили к нему домой, допрашивали его в полицейском участке, а его дом подвергся нападению вооруженных людей в масках. В 2009 году он решил покинуть Чечню и обратился за международной защитой в Польшу, а затем переехал в Австрию. Однако в 2010 году ему пришлось вернуться в Чечню. Там он начал работать в службе государственной безопасности, где участвовал в контртеррористических операциях и обеспечивал безопасность высших должностных лиц Чечни. Он уволился в октябре 2015 года, но перед этим ему и его матери были заданы вопросы с целью выяснения, планирует ли он присоединиться к незаконным вооруженным группировкам в Сирии. В феврале 2017 года его доставили в штаб-квартиру департамента, в котором он работал, и попросили стать информатором; он отказался. В марте 2017 года двое

полицейских пришли к нему домой и насильно отвезли его в полицейский участок, где его снова попросили стать информатором, и он снова отказался. Затем его пытали электрическим током, били по почкам, голове и другим частям тела. После этого он согласился стать информатором и был освобожден спустя пять дней задержания. Следствием избиения стали проблемы со здоровьем, такие как боль в почках и проблемы с памятью.

8. В апреле 2017 года заявители покинули Чечню и отправились в Беларусь, чтобы впоследствии въехать в Польшу. Они утверждали, что несколько раз пытались подать ходатайства о предоставлении убежища на польской границе, но каждый раз сотрудники пограничной службы отказывались принимать их ходатайства и возвращали их в Беларусь (см. М.А. и другие против Польши, жалоба № 42902/17, Изложение фактов и вопросы к сторонам; см. также пункты 22-26 о дальнейших событиях и последующем разрешении на въезд заявителей в Польшу).

В. Попытки заявителей въехать в Литву

1. Пограничный контрольно-пропускной пункт Мядининкай 16 апреля 2017 г.

9. 16 апреля 2017 года около полудня заявители прибыли в контрольно-пропускной пункт Мядининкай на границе между Литвой и Беларусью. Они заявили Суду, что на русском языке сказали пограничникам о том, что ищут убежища, но процедура рассмотрения просьбы об убежище не была начата.

10. Государственная пограничная служба (далее — ГПС) приняла решения об отказе во въезде в отношении всех семи заявителей. В решениях указывалось, что заявителям было отказано во въезде на том основании, что у них не было действительных виз или разрешений на проживание. Было также указано, что решения могут быть обжалованы в окружном административном суде в течение четырнадцати дней. Решения были написаны на литовском и английском языках.

11. Заявителей попросили подписать решения. В поле для подписи под каждым из семи решений первый и второй заявители написали «азул» — они заявили Суду, что это слово часто использовалось просителями убежища из Чечни для обозначения термина «убежище».

12. Пограничница, которая дежурила в тот день на контрольно-пропускном пункте Мядининкай, представила следующий официальный отчет старшему офицеру:

«Настоящим сообщаю, что 16 апреля 2017 года в 12.15 на Мядининкайском пограничном контрольно-пропускном пункте ... гражданину России [М.А.] ... который прибыл пешком ... было отказано во въезде в Литву.

Причина отказа во въезде — отсутствие действующей визы или разрешения на проживание.

В 12.45 иностранный гражданин был возвращен в Беларусь.

Его документы были проверены старшим пограничником [А.Б.]».

Отчеты с аналогичной формулировкой были составлены в отношении каждого из заявителей.

13. Заявители были возвращены в Беларусь в тот же день. Они не обжаловали решения об отказе во въезде в Литву.

2. Пограничный контрольно-пропускной пункт Кена 11 мая 2017 г.

14. 11 мая 2017 года около полудня заявители прибыли в контрольно-пропускной пункт Кена на границе между Литвой и Беларусью. Они заявили Суду, что сообщили пограничникам о том что ищут международной защиты и убежища и что первый заявитель подвергался пыткам в Чечне. Однако процедура рассмотрения ходатайства об убежище не была начата.

15. ГПС вынесла решения об отказе во въезде в отношении всех семи заявителей с таким же содержанием, что и раньше (см. пункт 10). Решения были написаны на литовском языке. Первый и второй заявители подписали все семь решений и указали, что решения были переведены на русский язык.

16. Пограничник, который дежурил на контрольно-пропускном пункте в Кене в тот день, представил следующий официальный отчет старшему офицеру:

«Настоящим сообщаю, что 11 мая 2017 года ... когда я осматривал поезд [из Москвы в Калининград] около полудня, следующие граждане Российской Федерации (заявители) представили свои документы для проверки. Ни у одного из них не было действительных виз или разрешений на проживание, и поэтому им было отказано во въезде в Литовскую Республику. В отношении этих лиц было вынесено семь отказов во въезде... В 15.10 эти лица были переданы пограничникам Беларуси через пограничный пункт Мядининкай».

17. Заявители находились под стражей на пограничном пункте в течение нескольких часов, а затем возвращены в Беларусь. Ими не было обжаловано решение об отказе во въезде в Литву.

3. Вильнюсский железнодорожный контрольно-пропускной пункт 22 мая 2017 г.

18. 22 мая 2017 года, около 22 ч. 20 м. заявители прибыли на железнодорожный контрольно-пропускной пункт в Вильнюсе. Они сообщили Суду, что имели при себе подготовленное белорусской правозащитной организацией письменное ходатайство о предоставлении убежища на русском языке, и передали это ходатайство литовским пограничникам. Они предоставили Суду копию этого ходатайства и фотографию оригинала вместе с билетами на поезд, сделанными, по их утверждению, на территории пограничного контрольно-пропускного пункта. Однако процедура рассмотрения ходатайства об убежище не была начата.

19. Государственная пограничная служба приняла решения об отказе во въезде в отношении всех семи заявителей с тем же содержанием, что и раньше (см. пункты 10 и 15 выше). Первый и второй заявители подписали решения, касающиеся их, но решения, касающиеся детей (остальные заявители), не были подписаны. Решения были написаны на литовском языке, но не указывалось, были ли они переведены на русский язык.

20. Пограничник, который в тот день дежурил на железнодорожном контрольно-пропускном пункте Вильнюса, представил старшему офицеру следующий официальный отчет:

«Настоящим сообщая, что 22 мая 2017 года я дежурил на железнодорожном контрольно-пропускном пункте Вильнюса. Около 10 ч. 50 м. ..., по прибытии пассажирского поезда [из Минска в Вильнюс] было обнаружено, что граждане Российской Федерации не имели действительных шенгенских виз или разрешения на проживание...

Вышеупомянутые лица были возвращены через пограничный контрольно-пропускной пункт Мядининкай 23 мая 2017 года в 4 ч. 24 м.».

В отчете упоминались имена второй заявительницы и троих детей. Суд не был проинформирован о том, был ли составлен аналогичный рапорт в отношении первого заявителя и двух других детей.

21. Заявители были задержаны на пограничном контрольно-пропускном пункте ночью, а утром 23 мая 2017 года возвращены в Беларусь. Они не обжаловали решения об отказе во въезде в Литву.

С. Последующие события

22. Впоследствии заявители снова попытались подать ходатайство о предоставлении убежища в Польше, но безуспешно. В результате они подали жалобу против Польши в Суд. 16 июня 2017 года Суд решил применить Правило 39 Регламента Суда, указав польскому Правительству на то, что заявители не должны быть выдворены в Беларусь. Однако, как оказалось, они все-таки были выдворены (см. М.А. и другие против Польши, Изложение фактов и вопросы к сторонам; цитируется выше).

23. Пребывание заявителей в Беларуси было законным до 10 июля 2017 года.

24. В период с октября по декабрь 2017 года родственники первого заявителя в Чечне получили несколько повесток на его имя, обязывающих его явиться в отделение полиции. В декабре 2017 года повестки первому заявителю была доставлены в Беларусь. Он направился в отделение милиции, где ему сообщили, что все заявители должны покинуть Беларусь. Они вернулись в Россию в конце декабря 2017 года. Вскоре после этого первый заявитель был задержан. Вторая заявительница не была проинформирована о точном месте содержания под стражей первого заявителя.

25. В январе 2018 года второй и остальные заявители снова отправились в Беларусь и смогли подать ходатайства о предоставлении убежища на границе с

Польшей. Они были помещены в центр приема беженцев в Польше на время ожидания решения по их ходатайствам о предоставлении убежища.

26. В феврале 2018 года первый заявитель был освобожден из-под стражи в России. Он утверждал, что не знал, где его содержали, и что сотрудники следственного изолятора избивали его. Он предоставил Суду фотографии синяков на его теле, которые, по его утверждению, он получил, находясь в заключении. В марте 2018 года первый заявитель выехал в Беларусь и смог подать ходатайство о предоставлении убежища на границе с Польшей. Он присоединился ко второй заявительнице и остальным заявителям в центре приема беженцев в Польше, где находился во время ожидания решения по его ходатайству о предоставлении убежища.

II. ПРИМЕНИМОЕ К ДЕЛУ НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ПРАКТИКА

А. Закон о правовом положении иностранных лиц.

27. Статья 2 § 18³ Закона о правовом положении иностранных лиц (далее «Закон об иностранцах») определяет ходатайство о предоставлении убежища как выраженное в любой форме обращение иностранного лица с просьбой о предоставлении убежища в Литовской Республике. Статья 2 § 20 определяет просителя убежища, как лицо, которое подало ходатайство о предоставлении убежища, и относительно которого не принято окончательное решение.

28. Статья 65 предусматривает, что иностранцы имеют право на обращение относительно убежища и получение убежища в Литве в соответствии с требованиями, изложенными в Законе об иностранцах. При наличии признаков того, что иностранец, который находится под стражей, или на пограничном контрольно-пропускном пункте, или в транзитной зоне, может пожелать обратиться с просьбой о получении убежища, он или она должны быть проинформированы на понятном ему или ей языке о таком праве и надлежащих применяемых процедурах 29. Пункт 1 статьи 67 предусматривает, что на пограничных контрольно-пропускных пунктах и на территории, на которой действует правовой пограничный режим, а также на любой другой территории Литовской Республики ходатайство о предоставлении убежища может подаваться в ГПС, или территориальное учреждение полиции. Пункт 2 статьи 67 предусматривает, что лицо, ищущее убежища, должно подать ходатайство от своего собственного имени, а ходатайство от имени несовершеннолетнего может быть подано взрослым членом семьи или его представителем.

30. Пункты 1, 3 и 5 статьи 69 предусматривают, что учреждение, в которое было подано ходатайство о предоставлении убежища, должно, в частности, указать дату, время и место подачи такого ходатайства, допросить просителей убежища и оценить, имеют ли они какие-либо особые потребности, получить документы, удостоверяющие личность просителей и их проездные документы, снять отпечатки пальцев, осмотреть

их вещи и в течение двадцати четырех часов передать всю эту информацию в Департамент миграции.

31. Пункты 1 и 6 статьи 76 предусматривают, что решение о том, рассматривать ли ходатайство о предоставлении убежища по существу, принимается Департаментом миграции в течение сорока восьми часов с момента подачи такого ходатайства.

32. Пункт 2 статьи 8 предусматривает, что решение об отказе иностранцу во въезде в Литву принимается ГПС, но такое решение не может быть принято в отношении иностранца, подавшего ходатайство о предоставлении убежища. Пункт 3 статьи 5 указывает: если иностранец подает ходатайство о предоставлении убежища на пограничном контрольно-пропускном пункте, решение о том, разрешить ли ему или ей въезд в Литву, принимается Департаментом миграции.

33. Пункт 5 статьи 67 предусматривает, что все решения, принимаемые в соответствии с Законом об иностранцах, должны принимать во внимание интересы детей и уязвимых лиц.

34. Пункт 1 статьи 86 предусматривает, что статус беженца предоставляется лицу, которое из-за веских оснований опасается преследования по признаку расы, религии, национальности, принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений, находится за пределами страны его или ее гражданства и не может или из-за опасений не желает пользоваться защитой этой страны; или лицу, которое, не имеет гражданства и находится за пределами страны своего прежнего обычного проживания в результате таких событий, которое не может или из-за опасений не желает возвращаться в нее; если нет оснований, предусмотренных Законом об иностранцах, по которым статус беженца не может быть предоставлен (например, когда лицо уже пользуется защитой или поддержкой органов или учреждений Организации Объединенных Наций, за исключением Управления Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев (УВКБ ООН), или когда имеются серьезные основания полагать, что он или она совершил_а военное преступление или преступление против человечества).

35. Пункт 1 статьи 87 предусматривает, что дополнительная защита предоставляется лицу, которое находится за пределами страны его или ее гражданства и не может вернуться в нее по причине вполне обоснованного опасения, что он или она будет подвергнута пыткам или бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию; смертной казни или экзекуции; или по причине существования серьезной и индивидуальной угрозы его или ее жизни или личности по причине неизбирательного насилия в ситуациях международного или внутреннего вооруженного конфликта.

36. Пункт 1 статьи 130 предусматривает, что иностранец не может быть выслан в государство, в котором существует угроза его или ее жизни или свободе; или в государство, в котором он или она могут преследоваться по признаку расы, религии, национальности, принадлежности к социальной группе или политических убеждений;

или в государство, из которого он или она позднее могут быть высланы в другое такое государство. Пункт 2 статьи 130 предусматривает, что иностранец не может быть выслан в страну, в которой он или она могут подвергнуться пыткам или жестокому, бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию.

37. Статья 138 предусматривает, что решения, принятые в соответствии с Законом об иностранцах, могут быть обжалованы в региональном административном суде в течение четырнадцати дней. Пункт 5 статьи 5 предусматривает, что в течение времени, отведенного для подачи такой апелляции, иностранцы имеют право оставаться на территории Литвы, а лица, ищущие убежища, имеют право оставаться на пограничном контрольно-пропускном пункте.

38. Пункт 1 статьи 139 предусматривает, что при подаче апелляции оспариваемое решение приостанавливается в следующих случаях: (1) было принято решение об аннулировании разрешения на проживание иностранного лица; (2) было принято решение отказать в рассмотрении ходатайства о предоставлении убежища, поданного иностранцем, который прибыл в Литву из безопасной третьей страны; (3) было принято решение отклонить ходатайство о предоставлении убежища (за некоторыми исключениями). Пункт 2 статьи 139 предусматривает, что в других случаях административный суд может назначить временные меры и приостановить исполнение оспариваемого решения.

Б. Приказ о порядке предоставления и аннулирования убежища

39. Приказ о предоставлении и отзыве предоставления убежища в Литовской Республике (далее – «Приказ») был издан министром внутренних дел 24 февраля 2016 года и изменен 31 января 2017 года. 19 пункт данного приказа предусматривает, что ходатайство о предоставлении убежища считается поданным в момент, когда оно было уже подано в одно из учреждений, перечисленных в пункте 1 статьи 67 Закона об иностранцах, в соответствии с требованиями пункта 2 статьи 67 этого Закона (см. пункт 29 выше). Ходатайство о предоставлении убежища должно быть обосновано и должно содержать факты, которые демонстрируют обоснованный страх просителя убежища перед преследованием или серьезным ущербом, как это определено Законом об иностранцах (см. пункты 34 и 35 выше). Если ходатайство о предоставлении убежища является необоснованным, причины его подачи должны быть установлены во время первоначального собеседования с лицом, ищущим убежища, в соответствии с пунктом 22.10 Приказа (см. пункт 43 ниже).

40. Пункт 20 предусматривает, что, если ходатайство о предоставлении убежища подается в учреждение, которое не указано в пункте 1 статьи 67 Закона об иностранцах, или если оно не отвечает требованиям пункта 2 статьи 67 этого Закона, в течение двух дней после того, как ходатайство будет идентифицировано в качестве ходатайства о предоставлении убежища, оно возвращается иностранцу, и он или она

должны быть проинформированы о порядке подачи ходатайства о предоставлении убежища. Эта информация предоставляется иностранцу на понятном ему языке.

41. Пункт 21 предусматривает, что ходатайство о предоставлении убежища считается принятым, когда уполномоченное должностное лицо принимающего учреждения регистрирует ходатайство о предоставлении убежища и лиц, ищущих убежища, в Реестре иностранцев.

42. Пункт 22.1 предусматривает, что в ситуации, когда ходатайство о предоставлении убежища подается в письменном виде, уполномоченное должностное лицо должно забрать ходатайство у лица, ищущего убежища, и указать на нем дату, время и место его подачи. Пункт 22.2 предусматривает, что в ситуации, когда ходатайство о предоставлении убежища не было подано в письменном виде, уполномоченное должностное лицо должно составить письменный отчет с указанием информации, предоставленной лицом, ищущим убежища, датой, временем и местом подачи ходатайства, а также именем лица, которое составило отчет. Пункт 22.7 предусматривает, что уполномоченное должностное лицо должно зарегистрировать ходатайство о предоставлении убежища и информацию о лице, ищущем убежища, в Реестре иностранцев.

43. Пункт 22.10 предусматривает, что уполномоченное должностное лицо должно провести первоначальное собеседование с просителем убежища и подготовить протокол собеседования, следуя соответствующей форме, прилагаемой к Приказу. Целью первоначального собеседования является, среди прочего, сбор информации о лице, ищущем убежища, и его или ее родственниках, которые прибыли вместе, их маршруте в Литву и причинах обращения за убежищем. Перед первоначальным собеседованием лицо, ищущее убежище, должно быть ознакомлено, в частности, с целью собеседования, правами и обязанностями лица, ищущего убежище, и последствиями несоблюдения последних.

44. Пункт 23 предусматривает, что действия, перечисленные в пунктах 22.1–22.12 (см. пункты 42 и 43 выше), также должны выполняться в нерабочее время.

C. Устав ГПС

45. Устав ГПС в Министерстве внутренних дел был принят 22 февраля 2001 года правительством Литовской Республики, после чего неоднократно подвергался изменениям. На момент рассмотрения пункт 13.6 Устава предусматривал, что в обязанности ГПС входит организация, координация и контроль приема ходатайств о предоставлении убежища, подаваемых на пограничных контрольно-пропускных пунктах или на территории, на которой действует правовой режим, касающийся границ, в соответствии с Законом об иностранцах.

D. Положение о пограничном контроле

46. Положение о пограничном контроле было принято ГПС 31 января 2012 года и несколько раз изменялось. На момент рассмотрения и в настоящее время пункты 114.14 и 240.10 предусматривают, что в обязанности старших офицеров смены входит обязанность принимать ходатайства иностранцев о предоставлении убежища в Литве.

Е. Меморандум о взаимопонимании между ГПС, Верховным комиссаром ООН по делам беженцев и Литовским Красным Крестом

47. 2 июня 2010 года ГПС, Региональное отделение УВКБ ООН для стран Балтии и Северных стран и Литовский Красный Крест подписали Меморандум о взаимопонимании в отношении сотрудничества при решении вопросов, связанных с лицами, ищущими убежища. В соответствии со статьей 4 этого меморандума, ГПС обязалась использовать все необходимые средства для обеспечения того, чтобы иностранцы, ищущие убежища, имели надлежащие условия для подачи соответствующих ходатайств на пограничных контрольно-пропускных пунктах; чтобы лица, ищущие убежища, были осведомлены на понятном им языке о своем правовом статусе в Литве и праве на гарантированную государством юридическую помощь; чтобы информация о процедурах рассмотрения ходатайств об убежище, подготовленная УВКБ ООН или неправительственными организациями, распространялась на пограничных контрольно-пропускных пунктах; чтобы представители УВКБ ООН могли следить за подачей заявлений о предоставлении убежища на границе и последующими действиями пограничников; и чтобы лица, ищущие убежища, имели возможность связаться с представителями УВКБ ООН.

Ф. Судебная практика национальных судов

48. 14 сентября 2017 года четыре российских гражданина прибыли на границу Литвы поездом из Беларуси, и им было отказано во въезде на том основании, что они не имели действительных виз или разрешений на проживание; они были возвращены в Беларусь в тот же день. Их представитель подал жалобу в административный суд, утверждая, что эти четыре человека подали ходатайства о предоставлении убежища на границе, которые сотрудники пограничной службы отказались принять.

49. 14 декабря 2017 года Вильнюсский окружной административный суд частично удовлетворил жалобу и распорядился, чтобы ГПС разрешил четверем лицам въехать в Литву и подать ходатайства о предоставлении убежища. Суд заявил:

«В этом административном деле не вызывает сомнений то, что заявители четко выразили свое желание подать ходатайство о предоставлении убежища и что они подали такие ходатайства сотрудникам ГПС ... Однако ГПС не приняла [ходатайства], не указав никаких причин. На судебном слушании представитель [ГПС] пояснил, что

ходатайства заявителей о предоставлении убежища не были приняты, поскольку они были необоснованными. Суд отмечает, что сотрудники ГПС обязаны принимать ходатайства о предоставлении убежища, независимо от того, обоснованы они или нет – [если ходатайства не обоснованы, сотрудники должны] проводить первоначальные собеседования с лицами, ищущими убежища, и выяснять их причины [для обращения с просьбой о предоставлении убежища] (см. пункты 19 и 22.10 Приказа о предоставлении и отзыве убежища в Литовской Республике, изданного министром внутренних дел 24 февраля 2016 года). Должностные лица ГПС не могут оставаться бездействующими в отношении лиц, ищущих убежища, как и было ими сделано в данном случае. Соответственно, в этом административном деле, принимая во внимание фактические обстоятельства, необходимо сделать вывод, что ГПС не предприняла надлежащих действий по обеспечению того, чтобы ходатайства о предоставлении убежища были приняты и рассмотрены, и тем самым нарушила принцип надлежащего управления, а также пункты 19 и 22.10 Приказа предоставления и отзыва убежища в Литовской Республике».

50. 14 февраля 2018 года Верховный административный суд полностью оставил в силе решение суда низшей инстанции. Суд заявил:

«Было продемонстрировано, что заявители подали ходатайства о предоставлении убежища, но они [эти ходатайства] не были рассмотрены в соответствии с законом, Вильнюсский окружной административный суд пришел к законному и обоснованному выводу о том, что должностные лица ГПС обязаны принимать ходатайства о предоставлении убежища, независимо от того, были ли они обоснованы, и что ГПС нарушила принцип надлежащего управления и пункты 19 и 22.10 Приказа о предоставлении и отзыве убежища в Литовской Республике. Заявители подали свои ходатайства о предоставлении убежища в надлежащее учреждение, но ГПС отказалась принять их без объяснения каких-либо причин».

III. СООТВЕТСТВУЮЩИЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

А. Женевская Конвенция 1951 года о статусе беженцев

51. Женевская Конвенция 1951 года о статусе беженцев (в дальнейшем именуемая «Конвенция о беженцах 1951 года», а также Протокол 1967 года о статусе беженцев были ратифицированы Литвой 28 апреля 1997 года. Соответствующие части документов предусматривают:

Статья 1. Определение термина «беженец»

«А. В целях настоящей Конвенции термин «беженец» относится к любому человеку, который:

...

(2) ... находится вне страны своей гражданской принадлежности в силу обоснованных опасений стать жертвой преследования по признаку расы,

вероисповедания, гражданства, политических убеждений или принадлежности к конкретной социальной группе и который не может или в связи с такими опасениями не хочет воспользоваться защитой этой страны; либо который не имея определенного гражданства и находясь вне страны своего обычного местожительства, не может или не желает вернуться в нее вследствие таких опасений...»

Статья 31. Беженцы, незаконно находящиеся в стране убежища

«1. Договаривающиеся государства обязуются не налагать взысканий за незаконный въезд или незаконное пребывание на их территории беженцев, которые прибывают непосредственно из страны, в которой их жизни или свободе угрожала опасность, предусмотренная в статье 1, въезжают или присутствуют на территории этих государств без соответствующего разрешения, при условии, что они немедленно сами явятся властям и предъявят основания для своего незаконного въезда или пребывания.

Статья 33. Запрещение выдворения беженцев или их принудительного возвращения (высылки)

«1. Ни одно Договаривающееся государство не должно высылать или возвращать беженца каким бы то ни было способом на границу стран, где их жизни и свободе угрожает опасность вследствие их расы, религии, гражданства, принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений.

2. Данное постановление, однако, не применяется к беженцам, которые рассматриваются в силу уважительных причин как угроза безопасности страны, в которой они находятся, или осужденным со вступившим в силу приговором в совершении особенно тяжкого преступления и представляющим общественную угрозу для страны».

В. Рекомендации Управления Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев (УВКБ ООН).

52. Исполнительный комитет УВКБ ООН на своей двадцать восьмой сессии, состоявшейся в октябре 1977 года, принял следующие рекомендации:

(i) Компетентное должностное лицо (например, сотрудник миграционной службы или пограничной полиции), к которому заявитель обращается на границе или на территории Договаривающегося государства, должно иметь четкие инструкции, касающиеся случаев, которые могут входить в сферу регулирования соответствующих международных договоров.

(ii) Заявитель должен получить необходимые указания относительно процедуры, которой он должен следовать.

(iii) Должно существовать конкретное ведомство, если это возможно — единый центральный орган, ответственный за рассмотрение ходатайства о предоставлении статуса беженца и принятие решения в первой инстанции.

(iv) Заявителю должны быть предоставлены необходимые условия, включая услуги компетентного переводчика, для представления его дела соответствующему органу. Заявителям также должна быть предоставлена возможность связаться с представителем УВКБ ООН, о чем они должны быть проинформированы.

53. В 2016 году, в ходе второго отчетного периода Универсального периодического обзора по Литве, УВКБ ООН предоставило Управлению Верховного комиссара по правам человека следующие предложения:

«III. КЛЮЧЕВЫЕ ВОПРОСЫ, ПРОБЛЕМЫ И РЕКОМЕНДАЦИИ В ОБЛАСТИ ЗАЩИТЫ»

Вопрос 1: Допуск на территорию и доступ к процедурам предоставления убежища.

В результате имплементации Меморандума о взаимопонимании в отношении деятельности по наблюдению за границами, разработанного Государственной пограничной службой, УВКБ и литовским Красным Крестом в 2010, на литовской границе было выявлено большее число лиц, обращающихся за международной защитой. Тем не менее, по-прежнему существует некоторая озабоченность относительно доступа на территорию и возможности пользоваться процедурами предоставления убежища. К примеру, Верховный Суд Литвы в деле о моральном вреде постановил, что, несмотря на достаточно четкое изложение мотивов бегства, двум афганским гражданам было отказано в доступе к процедуре предоставления убежища. Вместо этого они были подвергнуты судебному преследованию и помещены под стражу до суда в связи с незаконным пересечением границы.

УВКБ ООН известно об иных подобных случаях, когда имела место задержка доступа к процедуре предоставления убежища.

...

УВКБ ООН подчеркивает, что желание ходатайствовать о предоставлении защиты не должно выражаться в какой-то конкретно определенной форме, и что слово «убежище» не обязательно должно быть использовано в прямой форме. Любого выражения страха по отношению к возвращению на родину достаточно, чтобы определить возможную потребность в убежище. Следовательно, в тех случаях, когда имеются признаки того, что иностранные граждане или лица без гражданства опасаются возвращения на родину или в страну, где они ранее постоянно проживали,

представители Государственной пограничной службы должны предоставить им информацию о процедурах предоставления убежища, безотлагательно зарегистрировать их ходатайства о предоставлении убежища и передать эту информацию в центральный директивный орган.

Рекомендация:

УВКБ рекомендует правительству Литвы:

а. Обеспечить, чтобы лица, ищущие международной защиты, были выявлены, включая пропускные пункты и места лишения свободы, чтобы им была предоставлена информация о процедуре предоставления убежища, чтобы они были зарегистрированы в качестве просителей убежища, а их ходатайства переданы соответствующему органу без промедления.

IV. СООТВЕТСТВУЮЩИЕ ДОКУМЕНТЫ СОВЕТА ЕВРОПЫ.

54. Соответствующие части принятой 5 ноября 1981 года Рекомендации Комитета министров государствам-членам No. R (81) 16 относительно унификации национальных процедур, касающихся предоставления убежища, предусматривают:

1. Все просьбы о предоставлении убежища должны рассматриваться объективно и беспристрастно.
2. Решение по ходатайству о предоставлении убежища принимается только центральным органом.
3. Органам, ответственным за пограничный контроль, а также местным органам власти, призванным рассматривать просьбы о предоставлении убежища, должны быть предоставлены четкие инструкции в отношении рассмотрения таких просьб. Эти инструкции в частности:

i. привлекают внимание вышеупомянутых органов, особенно к вопросам обязательства уважения принципа невысылки;

ii. обязывают эти органы предоставить центральному органу всю возможную информацию в целях рассмотрения обращения;

iii. подчеркивают необходимость учета конкретной ситуации, в которой находится проситель убежища, включая, в зависимости от обстоятельств, трудности, с которыми он может столкнуться в ходе представления его ходатайства.

4. Пока центральный орган, упомянутый в пункте 2, не принял решение касательно ходатайства об убежище, заявителю должно быть позволено оставаться на территории государства, если только центральный уполномоченный орган не установит, что основания подачи ходатайства не имеют никакой связи с поиском убежища, в частности — что оно поддельное или не отвечает критериям для предоставления статуса беженца, закрепленным в статье 1.A (2) Женевской конвенции 1951 года и иным критериям, оправдывающим предоставление убежища.

55. Соответствующие части принятой 15 декабря 1998 года Рекомендации Комитета министров государствам-членам No. R (88) 15 относительно подготовки должностных лиц, которые первыми вступают в контакт с лицами, ищущими убежища, в частности, на пунктах пограничного контроля, предусматривают:

«...

Принимая во внимание то, что для эффективного выполнения их важных задач и предупреждения случаев высылки и отказа в помощи ходатайствующим лицам на границе, а также обеспечения беспрепятственного доступа к процедуре предоставления убежища тем, кому оно необходимо, должностным лицам, которые первыми вступают в контакт с ищущими убежища, в частности, тем, кто выполняет свои обязанности на пунктах пограничного контроля, необходимо пройти соответствующую полноценную подготовку без отрыва от работы в отношении того, как распознавать просьбы о защите и разрешать особые ситуации, связанные с просителями убежища.

...

Рекомендует государствам-членам обеспечить, чтобы лица, которые первыми вступают в контакт с беженцами, должны пройти подготовку по вопросам того, как распознавать просьбы о защите и урегулировать особые ситуации, связанные с просителями убежища.

1. Для должностных лиц, обязанных направлять просителей убежища в компетентные органы, рассматривающие ходатайства о предоставлении убежища, подготовка должна привести к приобретению:
 - 1.1. Базовых знаний о положениях национального законодательства, относящихся к защите просителей убежища и беженцев, включая соответствующие административные вопросы, осведомленности о внутренних инструкциях, где это применимо, регулирующих обращение с просителями убежища.
 - 1.2. Базовых знаний о положениях Конвенции 1951 года и Протокола, касающегося статуса беженцев, принятого в 1967 году, а также о предусмотренных в международном праве общих принципах защиты

беженцев, в частности — о запрещении принудительного возвращения и ситуациях незаконного пребывания беженцев в стране убежища.

- 1.3. Базовых знаний о положениях, касающихся запрета пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство отношения или наказаний, закрепленных в Европейской конвенции о правах человека.
- 1.4. Базовых знаний об ограничениях в отношении содержания под стражей в соответствии с национальным законодательством и международным правом.
- 1.5. Навыков выявления и понимания просьб о предоставлении убежища даже в случаях, когда искатели не в состоянии четко выразить свое намерение ходатайствовать о получении убежища, а также основных навыков общения с такими лицами, включая лиц с особыми потребностями.
- 1.6. Способности сделать правильный выбор и использование переводчика в случае необходимости.

...»

V. СООТВЕТСТВУЮЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

56. Соответствующие положения Хартии Европейского союза об основных правах гласят:

Статья 18. Право на убежище.

«Право на убежище гарантируется при соблюдении правил Женевской конвенции от 28 июля 1951 года и Протокола от 31 января 1967 года о статусе беженцев, и в соответствии с Договором, учреждающим Европейское сообщество, и Договором о функционировании Европейского союза (здесь и далее — договоры).»

Статья 19. Защита в случае перемещения, высылки или экстрадиции

«...

2. Никто не может быть перемещён, выслан или выдан государству, в котором существует серьезная угроза того, что лицо будет подвергнуто смертной казни, пыткам или иному бесчеловечному или унижающему достоинство отношению или наказанию.»

57. Соответствующие части Регламента (ЕС) 2016/399 Европейского парламента и Совета от 9 марта 2016 года о Кодексе Союза о режиме пересечения людьми границ (Шенгенском кодексе о границах) предусматривают:

«...

(36) Настоящий Регламент уважает основные права и следует принципам, которые признаны, в частности, Хартией Европейского Союза об основных правах. Он должен применяться с учетом обязательств государств-членов в сфере международной защиты и недопустимости высылки.

Статья 3. Сфера применения.

«Настоящий Регламент применяется к любому лицу, пересекающему внутренние или внешние границы государств-членов, без ущерба:

...

(b) правам беженцев и лиц, ходатайствующих о международной защите, особенно в том, что касается недопустимости принудительного возвращения.»

Статья 4. Основные права

«Действия государств-членов при применении настоящего Регламента должны в полной мере соответствовать законодательству Европейского союза, включая Хартию Европейского Союза об основных правах (далее — “Хартия”), соответствующие нормы международного права, в том числе Конвенцию о статусе беженцев, заключенную в Женеве 28 июля 1951 года (далее — “Женевская конвенция”), обязанности, связанные с доступом к международной защите, в частности, принцип невысылки, и основные права. В соответствии с общими принципами права Союза, решения, принимаемые на основании настоящего Регламента, должны иметь индивидуальный характер ...»

Статья 14. Отказ во въезде

«1. Во въезде на территорию государств-членов отказывается гражданину третьей страны, не выполнившему всех условий въезда ... Данное правило не наносит ущерба применению специальных положений относительно права на убежище и международную защиту или относительно выдачи виз для длительного пребывания.

2. Во въезде может быть отказано только посредством мотивированного решения с указанием четких оснований отказа. Данное решение принимается уполномоченным на то национальным законодательством органом. Оно вступает в силу незамедлительно.

...

3. Лица, которым отказано во въезде, имеют право на обжалование решения. Жалобы подаются в соответствии с национальным правом. Гражданину третьей страны также предоставляются письменные сведения относительно контактных

пунктов, способных сообщить информацию о представителях, уполномоченных в соответствии с национальным законодательством действовать от имени гражданина третьей страны.

Подача такой жалобы не приостанавливает действие решения об отказе во въезде ...»

Статья 16. Осуществление контроля

«1. Пограничный контроль ... осуществляется пограничниками в соответствии с положениями настоящего Регламента и национальным правом.

...

Государства-члены следят за тем, чтобы пограничники были специально подготовлены и прошли надлежащее обучение профессионалами ... Учебные программы должны включать специализированную подготовку по выявлению и разрешению ситуаций, которые затрагивают уязвимых лиц, таких, как несовершеннолетние лица без сопровождения и жертвы торговли людьми. Государства-члены ... должны поощрять пограничников в изучении языков, необходимых для осуществления их функций ...»

58. Соответствующие части Директивы 2011/95/EU Европейского парламента и Совета ЕС от 13 декабря 2011 по стандартам для квалификации граждан третьих стран или лиц без гражданства в качестве бенефициаров международной защиты, по единому статусу для беженцев или для лиц, имеющих право на дополнительную защиту, и по содержанию предоставляемой защиты (здесь и далее — «квалификационная Директива») предусматривают:

Статья 2. Определения

«...

(f) “лицо, имеющее право на дополнительную защиту” — гражданин третьей страны или лицо без гражданства, не квалифицирующееся в качестве беженца, но в отношении которого имеются существенные основания полагать, что в случае возвращения в свою страну происхождения или, в случае лица без гражданства, в свою страну последнего постоянного проживания, такое лицо столкнется с реальной опасностью нанесения серьезного вреда, как это определяется в Статье 15, и на которого/которую не распространяются статьи 17(1) и (2), и который_ая не может или, в связи с таким риском, не желает воспользоваться защитой такой страны; ...»

Статья 15. Серьезный вред

«Серьезный вред включает:

- (a) смертную казнь или приведение ее в исполнение; или
- (b) пытки или бесчеловечное или унижающее достоинство обращение или наказание заявителя в стране происхождения; или
- (c) серьёзная и индивидуальная угроза жизни или личности гражданского лица по причине массового насилия в ситуациях международного или внутреннего вооруженного конфликта.»

Статья 21. Защита от высылки

«1. Государства-члены придерживаются принципа невысылки в соответствии со своими международными обязательствами ...»

59. Регламент (ЕС) № 604/2013 Европейского парламента и Совета ЕС от 26 июня 2013 (Дублинский регламент) устанавливает критерии и механизмы определения государств-членов, несущих ответственность за рассмотрение ходатайства о международной защите, поданного в одном из государств-членов гражданином третьей страны или лицом без гражданства.

В главе III изложены правила определения государства-члена, ответственного за рассмотрение ходатайств о предоставлении убежища, поданных следующими категориями лиц: несовершеннолетние лица без сопровождения; лица, членам семьи которых было предоставлено убежище в данном государстве, или которые подали ходатайство о предоставлении такового; лица, имеющие действующую визу или вид на жительство в данном государстве; лица, которые нелегально пересекли границу данного государства; лица, которым было отказано в предоставлении визы в государстве-участнике (не уверена в корректности формулировки); а также лица, обращавшиеся за международной защитой в международной транзитной зоне аэропорта.

Статья 3 § 2 предусматривает, что в тех случаях, когда не представляется возможным назначить ответственное государство на основании критериев, изложенных в главе III, первое государство-участник, в котором было подано ходатайство о предоставлении международной защиты, несет ответственность за его рассмотрение.

60. Соответствующие части Директивы 2013/32/EU Европейского парламента и Совета ЕС от 26 июня 2013 об общих процедурах предоставления и лишения

международной защиты («Директива о процедурах предоставления убежища») предусматривают:

Статья 6. Доступ к процедуре

«1. Когда лицо подает ходатайство о предоставлении международной защиты в орган власти, который в соответствии с национальным законодательством уполномочен проводить регистрацию таких ходатайств, регистрация должна быть осуществлена не позднее трех рабочих дней с момента составления ходатайства.

Если ходатайство о предоставлении международной защиты адресовано иным органам власти, которые потенциально могут получать такие ходатайства, но, согласно национальному законодательству, не уполномочены их рассматривать, государства-члены должны обеспечить осуществление регистрации не позднее шести рабочих дней с момента составления ходатайства..

Государства-члены должны обеспечить, чтобы упомянутые иные органы власти, которые потенциально могут получать ходатайства о предоставлении международной защиты, такие как полиция, пограничная служба, иммиграционная служба и сотрудники мест содержания под стражей обладали соответствующими сведениями, а их персонал прошел необходимую подготовку, соответствующую их задачам и обязанностям, и был проинструктирован информировать заявителей о месте и способе подачи ходатайства о предоставлении международной защиты ...»

Статья 8. Информация и юридическая консультация в местах содержания под стражей и в пунктах пересечения границы

«1. В случаях, когда имеются основания полагать, что граждане третьих стран или лица без гражданства, содержащиеся под стражей или находящиеся в пунктах пересечения границы, в том числе в транзитных зонах на внешних границах, могут изъявить желание подать ходатайство о предоставлении международной защиты, государства-члены должны обеспечить их информацией о такой возможности. В таких пунктах пересечения границы и местах содержания под стражей государства-члены должны обеспечить наличие переводческих услуг в той мере, в какой это требуется для обеспечения доступа к процедуре предоставления убежища.

2. Государства-члены должны обеспечить, чтобы организациям и лицам, предоставляющим юридические консультации заявителям, был предоставлен эффективный доступ к заявителям, находящимся в пунктах пересечения границы, в том числе в транзитных зонах на внешних границах. Государства-члены могут устанавливать правила, касающиеся нахождения таких организаций и лиц на

территории упомянутых пунктов пересечения границы и, в частности, предусматривать предоставление такого доступа с соглашения компетентных органов власти государств-членов. Ограничения в таком доступе допускаются лишь в случаях их объективной необходимости в соответствии с национальным законодательством в связи с соображениями безопасности, общественного порядка и административного управления в таких пунктах пересечения границы, при условии, что доступ не является строго ограниченным или невозможным ...»

VI. СООТВЕТСТВУЮЩАЯ ИНФОРМАЦИЯ О ГОСУДАРСТВЕ

А. Чеченская Республика, Российская Федерация

61. В своем ежегодном докладе о состоянии прав человека в мире в 2017 году Amnesty International отметила:

«Продолжают поступать сообщения о серьезных нарушениях прав человека, включая насильственные исчезновения, незаконные задержания, пытки и иные виды жестокого обращения с задержанными, а также казни без надлежащего судебного разбирательства на Северном Кавказе. Ситуация в Чечне ухудшается. Сохраняется безнаказанность за последние инциденты с применением насилия в отношении правозащитников в Чечне.

...

“Новая газета” сообщила о начавшихся в декабре 2016 незаконных задержаниях десятков человек и о тайной казни спецслужбами 26 января по меньшей мере 27 пленных. Известно, что к концу года никто не был привлечен к ответственности, расследование в отношении кого-либо в связи с данными инцидентами также не было начато.»

62. В своем ежегодном докладе о ситуации в области прав человека в 2017 году Human Rights Watch заявили:

В начале 2017 года чеченские силовики незаконно задержали и пытали предполагаемых джихадистов. “Новая газета” сообщила, что в декабре 2016 и январе 2017 чеченская полиция во внесудебном порядке казнила 27 задержанных; правозащитный центр “Мемориал” заявил, что, согласно результатам их расследования, 23 человека из списка “Новой газеты” исчезли, а двое умерли после похищения сотрудниками местной службы безопасности.»

63. В своем докладе «Российская Федерация — государственные субъекты защиты», который был завершен в декабре 2016 и опубликован в марте 2017, Европейское управление по оказанию помощи в предоставлении убежища заявило (ссылки опущены):

«...

Human Rights Watch сообщили, что чеченское правительство развернуло кампанию по подавлению любой оппозиции Кадырову посредством физических нападений, незаконных задержаний, исчезновений и преследований. Данные нарушения усугубились к концу 2015 года после того как население стало более критично относиться к своему лидеру из-за падения цен на нефть и разваливающейся экономики. Согласно Human Rights Watch, “основными жертвами таких репрессий являются жители Чечни, выражающие недовольство или очевидно неохотно одобряющие чеченское руководство и его политику.”

...

Согласно нескольким источникам, власти активно угрожают тем, кто отстаивает свои права перед правительством или влиятельными лицами. Датская иммиграционная служба узнала от “Мемориала”, что “людям чинят препятствия в отношении подачи жалоб” в Европейский суд по правам человека и угрожают их адвокатам.

...

...Human Rights Watch отмечает недостаточную отчетность о случаях злоупотреблений, нарушения не могут быть освещены в связи с преобладающей атмосферой страха, жителей “заставили замолчать путем запугиваний”. Несколько источников сообщили Landinfo, что они не предадут огласке информацию, если семья опасается последствий. Правительство владеет многочисленными инструментами для того, чтобы заставить молчать жертв нарушений прав человека: в отчетах упоминаются угрозы убийством, угрозы сексуального насилия над родственницами, обвинения в проституции или наркомании, сфабрикованные обвинения и физическое насилие...

...

Согласно нескольким источникам, жестокое обращение с целью принуждения к даче признательных показаний является обычным явлением в Чечне. Докладчик Комиссии по юридическим вопросам и правам человека Парламентской ассамблеи Совета Европы в июне 2016 заявил, что он “был проинформирован в рамках [своего] мандата [...], что полицейские по-прежнему регулярно применяют пытки для получения признаний, что остается основой для вынесения судами обвинительных приговоров”.

... (According to Memorial quoted in a DIS report), полиция и следователи заботятся о том, чтобы на теле подозреваемого не оставалось следов избиения, которые может заметить судья, путем использования методов жестокого обращения, не оставляющих следов, либо путем отсрочки момента представления обвиняемого его адвокату и суду. Они также угрожают врачам, чтобы последние не фиксировали признаки жестокого обращения в своих медицинских отчетах.»

В. Беларусь

64. В своем ежегодном докладе о ситуации в области прав человека в мире Amnesty International в 2017 году заявила, что Беларусь нуждается в функционирующей системе предоставления убежища и что страна неоднократно передавала лиц, нуждающихся в международной защите, властям стран, в которых таким лицам угрожала реальная опасность применения пыток или иных видов жестокого обращения.

65. В своем ежегодном докладе о ситуации в области прав человека в 2017 году Human Rights Watch заявила:

«Беларусь не смогла обеспечить действенную защиту сотням просителей убежища, преимущественно из Чеченской Республики, что прибыли в Беларусь с целью пересечения границы с Польшей и обращения с просьбой о предоставлении убежища. В Беларуси отсутствует функционирующая система предоставления убежища. В 2017 году она вернула по крайней мере двух просителей убежища из Чечни обратно в Россию, которую власти рассматривают как безопасную страну происхождения, тем не менее подвергнув просителей серьезной опасности жестокого обращения.»

ПРАВО

I. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ 3 СТАТЬИ КОНВЕНЦИИ

66. Заявители жаловались на то, что литовские власти отказывались рассматривать их ходатайства о предоставлении убежища и возвращали их в Беларусь, тем самым подвергая их реальной опасности применения пыток или бесчеловечного обращения в России. Они ссылались на 3 статью Конвенции, которая гласит:

«Никто не должен подвергаться пыткам или бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию.»

A. Приемлемость

1. Соответствие *ratione personae*

(a) Доводы сторон

67. Правительство заявило, что, поскольку заявителям было позволено въехать в Польшу и их ходатайства о предоставлении убежища рассматриваются польскими властями (см. пункты 25 и 26 выше), «Литва не обязана инициировать процедуру рассмотрения ходатайства об убежище в отношении тех же лиц». Оно утверждало, что

Литва «более не осуществляет юрисдикцию в отношении заявителей», следовательно, жалоба не соответствует положениям Конвенции в отношении *ratione personae*.

68. Заявители не прокомментировали данный аргумент.

(b) Оценка Суда

69. Суд отмечает, что заявители жаловались на то, что сотрудники литовской пограничной службы отказывали им в приеме ходатайств о предоставлении убежища, а также во въезде в Литву в трёх случаях в апреле и мае 2017 года. Из предоставленных правительством материалов остается неясным, намеревались ли они оспорить заявленный просителями статус потерпевших или ответственность литовских властей за жалобы, поданные заявителями. Таким образом, Суд рассмотрит оба этих аспекта.

70. Относительно ответственности литовских властей Суд отмечает, что нет никаких сомнений в том, что все решения, послужившие предметом жалоб заявителей в настоящем деле, были приняты сотрудниками литовской пограничной службы. Таким образом, очевидно, что действия, на которые жаловались заявители, могли быть вменены в вину Литве, а значит, подпадали под ее юрисдикцию по смыслу 1 статьи Конвенции. Не вызывает сомнений и то, что на момент, когда заявителям было отказано во въезде в Литву (апрель и май 2017 года), их ходатайства о предоставлении убежища еще не рассматривались в Польше — рассмотрение ходатайств о предоставлении убежища в Польше было только инициировано в начале 2018 года (см пункты 25 и 26 выше).

Соответственно, нет никаких оснований для исключения ответственности Литвы за рассмотрение ходатайств о предоставлении убежища, поданных в апреле и мае 2017 (см соответствующий акт ЕС в пункте 59 выше).

71. В отношении статуса заявителей как потерпевших Суд вновь подтверждает, что решение или мера, благоприятные для заявителя, в принципе не являются достаточными для того, чтобы лишить его или ее статуса «жертвы», пока национальные органы власти не признали в явной форме или по существу, а затем не предоставили сатисфакцию за нарушение Конвенции (см Нада против Швейцарии [GC], № 10593/08, § 128, ЕСПЧ 2012, и упомянутые в нем дела). Правительство не заявляло, что подобные меры были приняты литовскими властями в отношении заявителей, и Суд не считает, что последующее разбирательство о предоставлении убежища в Польше удовлетворило бы претензии, связанные с обращением к заявителям со стороны литовских властей.

72. Соответственно, Суд отклоняет возражение правительства о несоответствии *ratione personae*.

2. Исчерпание внутренних средств правовой защиты

(a) Представления сторон

(i) Правительство

73. Правительство утверждало, что заявители не обжаловали ни одно из решений об отказе им во въезде в Литву. Они заявили, что заявители были проинформированы о возможности подачи апелляции, поскольку информация была включена в текст решений, и в одном из трёх случаев (11 мая 2017 года) заявители в явной форме признали, что решения были переведены на русский язык. (см пункт 15 выше).

74. Правительство утверждало, что апелляция в административном суде могла быть эффективным средством правовой защиты относительно жалоб нарушителей.

Они заявили, что, в соответствии с национальным законодательством, административные суды играют значительную роль в производстве по делу, так что их анализ «предположительно» не ограничивался бы формальностями (т. е. имели ли заявители действующие визы или разрешение на проживание), но учли бы все необходимые обстоятельства ситуации, в которой оказались заявители.

75. Правительство предоставило следующие примеры внутреннего прецедентного права, которые оно посчитало уместными:

- В шести случаях, начиная с 2007 по 2017, Вильнюсский окружной административный суд и Высший административный суд рассмотрели отказы во въезде, выданные различным иностранным гражданам на основаниях, связанных с национальной безопасностью. Во всех указанных случаях апелляции заявителей были отклонены.

- В трех случаях, датирующихся 2016 и 2017, Вильнюсский окружной административный суд изучил отказы во въезде, выданные на основании неспособности заявителей обосновать цель своего предполагаемого пребывания в Литве. Он отклонил апелляции во всех указанных случаях.

- В одном деле, датирующемся 2007 годом, Клайпедский окружной административный суд установил, что лицо, которому было отказано во въезде на основании отсутствия действующей визы, фактически было освобождено от требования, связанного с наличием визы. Впоследствии данному лицу была присуждена компенсация за материальный и моральный ущерб.

- В одном деле, датирующемся 2013 годом, Вильнюсский окружной административный суд установил, что лицо, которому было отказано во въезде на основании нахождения в списке иностранных граждан, которым запрещен въезд в Литву, фактически отсутствовало в этом списке.

Правительство заявило, что, хотя не всем заявителям удалось обжаловать принятые решения, важно подчеркнуть, что административные суды провели

независимый анализ соответствующих обстоятельств, а не просто повторили основания, представленные пограничными службами.

76. Правительство также сослалось на решение Вильнюсского административного суда от декабря 2017 года и решение Высшего административного суда, вынесенные в феврале 2018 года, в которых жалобы истцов, находившихся в аналогичной ситуации с заявителями по настоящему делу, были удовлетворены (см. пункты 48-50 выше).

77. Далее Правительство утверждало, что отсутствие автоматического приостанавливающего действия апелляции на решение о возвращении соответствует Шенгенскому кодексу о границах (см. статью 14 данного Кодекса, цитируемую в пункте 57 выше). Тем не менее, Правительство утверждало, что заявители имели право ходатайствовать о приостановлении их высылки в соответствии с нормами внутреннего законодательства касательно временных мер (см. пункт 38 выше). Также Правительство заявило, что, в любом случае, дела, имеющие отношение к высылке иностранцев, обычно рассматривались административными судами в первоочередном порядке, так что рассмотрение апелляции не заняло бы много времени. В качестве примера они сослались на дело, в котором иностранцы подали жалобу в сентябре 2017 года, им предоставили время на исправление жалобы до октября 2017 года, решение первой инстанции было принято в декабре 2017 года, а окончательное решение было принято Высшим административным судом в феврале 2018 года (см. пункты 48-50 выше).

(ii) Заявители

78. Изначально заявители утверждали, что о возможности обжаловать решения Государственной пограничной службы об отказе во въезде в Литву не было сообщено в двух из трёх попыток заявителей пересечь границу — решения, принятые 16 апреля и 22 мая 2017 года не были переведены на русский язык и были доступны только на литовском и английском языках, которые заявители не понимали.

79. Далее они указали, что обжалование в административных судах не могло быть средством эффективной правовой защиты, потому что такая апелляция не имеет автоматического приостанавливающего действия и не исключала возможности возвращения в Беларусь.

80. Заявители также утверждают, что после возвращения в Беларусь они могли находиться в стране еще несколько месяцев — до 10 июля 2018 года. Они заявили, что разбирательство в литовских административных судах заняло бы больший промежуток времени, и, следовательно, не было бы эффективным, поскольку им пришлось бы вернуться в Россию или остаться в Беларуси нелегально под угрозой депортации.

81. В заключение просители отметили, что дела, упомянутые Правительством (см. пункт 75 выше) не имеют отношения к их ситуации, поскольку ни одно из этих дел не касалось ходатайства о международной защите.

(b) Оценка Суда

82. С самого начала Суд отмечает, что, когда заявители попытались въехать в Литву 16 апреля и 22 мая 2017 года, решения об отказе во въезде были написаны на литовском и английском языках, и нет никаких указаний на то, что они были переведены на русский язык (см. пункты 10 и 19 выше). Соответственно, в этих двух случаях заявители не были проинформированы о возможности обжалования данных решений, так что нельзя было разумным образом ожидать того, что они воспользуются ею.

83. В любом случае, во множестве предыдущих разбирательств, когда истец просил воспрепятствовать его высылке из Договаривающегося государства, Суд устанавливал, что средство правовой защиты может быть эффективным только в том случае, если несет в себе автоматическое приостанавливающее действие (см., помимо прочих органов власти, М.С.С. против Бельгии и Греции [GC] № 30697/09, § 293, ЕСПЧ 2011; Л.М. и другие против России, № 40081/14 и два других, § 100, 15 октября 2015; и Кебе и другие против Украины, № 12552/12, § 101, 12 января 2017).

84. В настоящем случае нет никаких сомнений в том, что, согласно литовскому законодательству, обжалование отказа во въезде в административном суде не предусматривает автоматического приостанавливающего действия (см. пункты 38, 77 и 79 выше). В этой связи, даже если бы заявители подали такие апелляции, в соответствии с литовским законодательством они были бы незамедлительно возвращены в Беларусь, но не получили бы разрешение ждать исхода данной апелляции на границе или в центре для приема иностранцев. Соответственно, оно не может рассматриваться в качестве эффективного внутреннего средства правовой защиты по смыслу пункта первой статьи 35 Конвенции, которое заявители должны были исчерпать.

85. Несмотря на то, что Правительство утверждало, что отсутствие автоматического приостанавливающего действия соответствовало положениям Шенгенского кодекса о границах (см. пункт 77 выше), Суд считает это несущественным в своём оценивании эффективности средств правовой защиты по смыслу Конвенции. В любом случае, он отмечает, что пункт первый статьи 14 Шенгенского кодекса о границах предусматривает, что его нормы относительно отказа во въезде «не наносят ущерба применению специальных положений, касающихся права на убежище, и международной защиты» (см. пункт 57 выше).

86. Вследствие этого Суд отклоняет возражение Правительства в отношении исчерпания внутренних средств правовой защиты.

3. Вывод

87. Далее Суд отмечает, что данная жалоба не является очевидно необоснованной по смыслу пункта 3 (а) статьи 35 Конвенции, равно как неприемлемой по каким-либо иным основаниям. Поэтому она должны быть признана приемлемой.

В. Существо рассматриваемого дела

1. Доводы сторон

(а) Заявители

88. Изначально заявители утверждали, что имелись достаточные доказательства того, что они просили убежища на литовской границе. 16 апреля 2017 года они написали “азул” на каждом из семи решений об отказе во въезде (см. пункт 11 выше) — они утверждали, что это слово обычно используется просителями убежища из Чечни, поэтому надлежащим образом подготовленные сотрудники пограничной службы должны были понять его. Между тем тот факт, что они просили об убежище 22 мая 2017 года, подтверждается копией их письменного ходатайства о предоставлении убежища и фотографией этого ходатайства вместе с их билетами на поезд, которые они предоставили Суду (см. пункт 18 выше). Далее заявители утверждали, что ни в решениях об отказе во въезде, ни в официальных отчетах сотрудников пограничной службы их начальству не было никакой информации о содержании взаимодействия между заявителями и пограничниками (см. пункты 10, 12, 15, 16, 19 и 20 выше). Официальные ответы не были предоставлены заявителям, равно как им не была предоставлена возможность прокомментировать их. Соответственно, заявители отмечали, что упомянутые отчеты не могут служить доказательством того, что они не обращались с ходатайством о предоставлении убежища.

89. Заявители также отметили, что аналогичные ситуации — когда сотрудники пограничной службы отказывались принимать ходатайства о предоставлении убежища — имели место в прошлом: они сослались, помимо прочего, на комментарии УВКБ ООН в отношении Литвы (см. пункт 53 выше), а также на дело об отказе в доступе к процедуре получения убежища, которое было рассмотрено литовскими административными судами (см. пункты 48-50 выше). Исходя из этого, заявители утверждали, что отказ в доступе к процедурам получения международной защиты на литовской границе может носить «систематический характер».

90. Далее заявители утверждали, что, даже в отсутствие явно выраженных ходатайств о предоставлении убежища, литовское законодательство обязывает пограничников придерживаться «инициативного подхода» в выявлении потенциальных

искателей убежища и информировать их об их правах и соответствующих процедурных аспектах (см. пункт 28 выше). Заявители отметили, что подобный подход требуется также Судом, в частности ссылаясь при этом на решение по делу Христ Джамаа и другие против Италии ([GC], № 27765/09, § 157, ЕСПЧ 2012). Они также утверждали, что, согласно имеющимся статистическим данным, значительная доля всех искателей убежища в Литве имеет чеченское происхождение (см. пункт 98 ниже), и что сам по себе этот факт должен быть для пограничников признаком того, что заявители могут иметь намерение обратиться с ходатайством о предоставлении убежища.

91. Далее заявители отметили, что отказ в рассмотрении их ходатайств о предоставлении убежища и возвращение в Беларусь противоречит принципу невысылки, закрепленному в различных международно-правовых документах. Они утверждали, что в Беларуси отсутствует действенный механизм международной защиты, и страна известна тем, что возвращает лиц чеченской национальности в Россию.

92. В заключение они заявили, что первый заявитель подвергался пыткам в Чечне, и что ему грозит серьезная опасность быть подвергнутым пыткам вновь по возвращении в страну. Различные правозащитные организации регулярно сообщают о серьезных нарушениях прав человека в Чечне, таких, как внесудебные казни, насильственные исчезновения, применение пыток, жестокое обращение и незаконные задержания; нарушения прав человека в Чечне были представлены более чем 200 решений, вынесенных Судом в отношении России. В связи с этим заявители отмечают, что отказ литовских властей рассмотреть их ходатайства о предоставлении убежища подверг их реальной опасности причинения серьезного вреда в Чечне.

(b) Правительство

93. Изначально Правительство заявило, что не было «прямых свидетельств» того, что заявители «каким-либо образом выразили желание ходатайствовать о предоставлении убежища в Литве». В ответ на заявление просителей о том, что 16 апреля 2017 года они написали «азул» на решениях об отказе во въезде вместо их подписей (см. пункт 88 выше), Правительство заявило, что сотрудники пограничной службы не должны были «сомневаться в действительности подписей» и трактовать это как ходатайство о предоставлении убежища. Правительство отметило, что знание русского языка не является обязательным для литовских пограничников, и что лицо, незнакомое с этим языком, не смогло бы понять, что заявители писали кириллицей. Правительство также подчеркнуло, что заявители не писали ничего подобного на решениях об отказе во въезде в двух иных случаях (см. пункт 15 и 19 выше). Правительство утверждает, что заявители должны были ходатайствовать об убежище «более очевидным образом».

94. Они также утверждали, что в официальных отчетах, составленных пограничниками в каждом из трех случаев, когда заявители пытались въехать в Литву, содержалась информация о попытках заявителей въехать в страну и причины отказа во въезде (см. пункты 12, 16 и 20). Из этих сообщений было ясно, что «пограничные службы не заметили никаких признаков готовности заявителей ходатайствовать о предоставлении убежища». Правительство утверждало, что заявители не смогли прокомментировать эти отчеты, потому что последние являются внутренними документами, которые не были направлены заявителям. Тем не менее, если бы заявители обжаловали решения об отказе во въезде в административные суды, они могли бы ознакомиться с отчетами сотрудников.

95. Правительство также утверждало, что в сообщениях УВКБ ООН для Управления Верховного комиссара по правам человека (см. пункт 53) не содержалось никаких данных об отказах в приеме ходатайств о предоставлении убежища на границе и присутствовали отсылки только к одному делу двух граждан Афганистана; это дело было рассмотрено литовскими судами, которые признали нарушение прав заявителей и предоставили им компенсацию. Правительство утверждало, что заявители не предоставили каких-либо достоверных доказательств того, что ходатайства о предоставлении убежища были отклонены на границе Литвы. В единственном случае, на который ссылались заявители (см. пункты 48-50 и 89), суды обязали местные органы власти разрешить заявителям подавать ходатайства о предоставлении убежища. По мнению Правительства, этот случай продемонстрировал эффективность внутренних средств правовой защиты, которые заявители не исчерпали (см. пункты 73-77).

96. Правительство также заявило, что литовское законодательство полностью соответствует международным стандартам в области прав человека, касающихся убежища, включая принцип невысылки. Закон об иностранцах требует, чтобы пограничники предпринимали активные действия и информировали иностранцев на границе на понятном им языке о праве просить убежища и соответствующих процедурах (см. пункт 28). Правительство утверждало, что информация о правах просителей убежища предоставлялась на всех пограничных контрольно-пропускных пунктах - листовки на нескольких языках, подготовленные УВКБ ООН и Литовским Красным Крестом, распространялись в местах, доступных для просителей убежища (см. пункт 47).

97. Кроме того, статус и обязанности пограничных служб регулировались строгими правилами и системой надзора, которая позволяла вышестоящим должностным лицам выявлять любые недостатки в процедурах пограничного контроля и тем самым предотвращать ошибки в применении закона. Все пограничники прошли

обучение по вопросам прав человека, включая право на поиск убежища, и действиям, которые необходимо предпринять, когда на границе было подано ходатайство о предоставлении убежища. Кроме того, в соответствии с Меморандумом о взаимопонимании, подписанным ГПС, УВКБ ООН и Литовским Красным Крестом в 2010 году (см. пункт 47), представители УВКБ ООН имело право контролировать прием лиц, ищущих убежища на границе, предоставляя дополнительные гарантии для обеспечения того, что ходатайства о предоставлении убежища были надлежащим образом зарегистрированы и переданы компетентным органам для рассмотрения.

98. Правительство сообщило, что за первые девять месяцев 2017 года литовские власти получили 428 ходатайств о предоставлении убежища (по сравнению с 257 такими ходатайствами за тот же период в 2016 году и 205 ходатайствами в 2015 году). Двадцать одно ходатайство о предоставлении убежища за 2017 год было подано лицами чеченского происхождения.

99. Таким образом, Правительство утверждало, что заявители имели возможность подать ходатайство о предоставлении убежища на границе, но не сделали этого. В связи с этим, правительство заявило, что Литва, которая является крайней страной, находящейся на внешней границе Шенгенской зоны, была воспринята потенциальными просителями убежища как «транзитная страна на пути в пункты назначения в Западной Европе», что может объяснять «нежелание заявителей подавать ходатайства о предоставлении убежища в Литве, так как они направлялись в другие пункты назначения».

100. Они также утверждали, что «в отсутствие каких-либо указаний на готовность заявителей просить убежища» пограничники были обязаны применять соответствующие местные правовые инструменты, а также правовые инструменты ЕС о пограничном контроле, а у местных властей не было никаких оснований проводить расследование на предмет потенциальных рисков, с которыми заявители могли столкнуться в случае возвращения в Россию.

101. Правительство, наконец, утверждало, что, поскольку заявителям было разрешено законно находиться в Беларуси до 10 июля 2017 года, их возвращение туда в апреле и мае 2017 года не подвергало их какому-либо риску, связанному с их возвращением в Россию.

2. Оценка Суда

(а) Важные общие принципы

102. Суд напоминает, что договаривающиеся государства имеют право, в соответствии с устоявшимся международным правом и их договорными обязательствами, включая Конвенцию, контролировать въезд, проживание и высылку иностранцев. Тем не менее высылка иностранца государством, заключившим договор, может привести к проблемам в соответствии со статьей 3 Конвенции, которая говорит о существенных основаниях полагать, что соответствующему лицу грозила реальная опасность подвергнуться пыткам, бесчеловечному или унижающему человеческое достоинство обращению либо наказанию в принимающей стране. При таких обстоятельствах статья 3 подразумевает обязательство не высылать человека в эту страну (см. Папошвили против Бельгии [GC], № 41738/10, §§ 172-73, 13 декабря 2016 года, и приведенные в нем дела; см. также международный материал, указанный в пунктах 51, 56 и 58 выше, и соответствующее национальное законодательство в пункте 36 выше).

103. Касательно того, удовлетворяются ли вышеуказанные условия в данной ситуации, Суд отмечает, что в делах, касающихся высылки иностранцев, Суд сам не рассматривает ходатайства о международной защите и не проверяет, как государство контролирует въезд, проживание и высылку иностранцев. На основании первой статьи Конвенции, основная ответственность за реализацию и обеспечение гарантированных прав и свобод возлагается на национальное правительство, которое обязано изучить опасения заявителя и оценить риски, с которыми он может столкнуться, если останется в покинутой им стране, с точки зрения статьи 3. Механизм подачи жалобы в суд является вспомогательным к национальным системам защиты прав человека. Этот вспомогательный характер сформулирован в статье 13 и пункте 1 статьи 35 Конвенции. Соответственно, в случаях такого рода обязательство властей в соответствии со статьей 3 по защите неприкосновенности лиц, о которых идет речь, выполняется главным образом посредством соответствующих процедур, позволяющих проводить такое рассмотрение (там же, §§ 184-85, и перечисленные случаи в нем).

104. Суд также напоминает, что косвенная высылка иностранца, не отменяет того факта, что государство, заключившее договор, обязано, в соответствии с устоявшейся прецедентной практикой, убедиться в том, что данное лицо не подверглось обращению, указанному в статье 3, в случае высылки. Государство, обеспечивающее возвращение, должно удостовериться в том, что страна-посредник предоставит достаточные гарантии того, что данное лицо не столкнется с упомянутым ранее обращением. Это обязательство ещё более важно, если страна-посредник не является членом Конвенции (см. Хирси Джамаа и другие, упомянутое выше, §§ 146-47, и приведенные в них случаи).

(b) Применение вышеуказанных принципов в настоящем деле

105. В настоящем деле заявители утверждали, что им угрожали пытки в Чечне и что Беларусь не может считаться безопасной третьей страной (см. пункты 91 и 92

выше). Суд принимает к сведению общедоступную информацию о ситуации с правами человека в Чечне и недостатках системы убежища в Беларуси (см. пункты 61-65 выше). Так или иначе, в обстоятельствах настоящего дела, Суд считает, что главный вопрос, на который необходимо ответить, заключается не в том, действительно ли заявители столкнулись с реальным риском жестокого обращения в Чечне, а в том, провели ли литовские власти адекватную оценку требований заявителей, что они будут подвергаться такому риску по их возвращению в Беларусь 16 апреля, 11 мая и 22 мая 2017 года (см. Бабаджанов против Турции, № 49867/08, § 43, 10 мая 2016 года; Амерханов против Турции, нет. 16026/12, § 52, 5 июня 2018 г. и Батырхайров против Турции, № 69929/12, § 46, 5 июня 2018 г.).

106. Суд отмечает, что литовское законодательство прямо предусматривает, что ГПС и ее сотрудники обязаны принимать ходатайства о предоставлении убежища, представленные на границе (см. пункты 45 и 46 выше). Закон не разрешает ГПС отказывать во въезде в Литву иностранцам, подавшим ходатайства о предоставлении убежища. Решение о том, следует ли рассматривать ходатайство о предоставлении убежища по существу, принимается Департаментом миграции, а не ГПС (см. пункты 31 и 32 выше). Национальное законодательство не предусматривает каких-либо случаев, когда пограничники могут отказать в принятии ходатайств о предоставлении убежища, и национальные суды прямо постановили, что даже необоснованные ходатайства должны быть зарегистрированы, а причины этих ходатайств выяснены (см. пункты 48-50 выше).

107. Основное разногласие между сторонами в настоящем деле заключалось в том, действительно ли заявители подали ходатайства о предоставлении убежища на границе (см. пункты 88, 93 и 94 выше). Суд, прежде всего, отмечает, что в каждом из трех случаев заявители предстали перед пограничниками, предоставили документы, удостоверяющие их личность, и не пытались скрыть тот факт, что у них не было виз или других документов, дающих им право на въезд в Литву (см. пункты 12, 16 и 20 выше). Он считает, что поведение заявителей согласуется с их утверждением о том, что целью их присутствия на литовской границе было просить убежища (сравните и сопоставьте Р.Х. против Швеции, № 4601/14, § 72, 10 сентября 2015 г.).

108. Что касается 16 апреля 2017 года, заявители утверждали, что они вначале выразили свое желание убежища пограничникам в устной форме - заявление, оспариваемое Правительством (см. пункты 9 и 93 выше). Однако не оспаривается, что они также написали «азул» на кириллице - слово, часто используемое чеченскими беженцами для обозначения слова «убежище» - во всех семи решениях, в которых им отказывают во въезде в Литву (см. пункты 11 и 88 выше). Правительство утверждало, что от пограничников не требовалось знать русский язык или понимать кириллицу, и они не были обязаны проверять, что было написано на месте подписи (см. пункт 93 выше). Суд, во-первых, отмечает, что Правительство не предоставило никакой информации о том, мог ли кто-либо из пограничников, которые дежурили на

пограничном контрольно-пропускном пункте в Мядининкай в тот день действительно говорить по-русски или читать на кириллице. Он также отмечает, что контрольно-пропускной пункт в Мядининкай расположен на границе с Беларусью, где русский является одним из официальных языков, и что в соответствии с Шенгенским кодексом о границах государства-члены поощряют пограничников изучать языки, необходимые для выполнения их задач (см. пункт 1 статьи 16 Кодекса, указанный в пункте 57 выше). В любом случае, если предположить, что ни один из пограничников на контрольно-пропускном пункте в Мядининкай не говорил по-русски, Суд не может согласиться с доводом Правительства о том, что заявители «никоим образом не выражали желания просить убежища» (см. пункт 93 настоящего Постановления), поскольку пограничники не смогли бы понять устные заявления заявителей на русском языке. В связи с этим, Суд подчеркивает важность перевода для обеспечения доступа к процедуре предоставления убежища (см. дело М.С. против Бельгии и Греции, упоминавшееся выше, § 301). Это также относится к требованию Директивы о процедурах предоставления убежища властям принять меры для устного перевода (см. пункт 60 выше) и рекомендациям УВКБ ООН в том же духе (см. пункт 52 выше). Правительство не утверждало, что найти переводчика с русского на литовский было очень сложно.

109. Суд также отмечает, что УВКБ ООН в своих обращениях в Управление Верховного комиссара по правам человека в отношении Литвы подчеркивало, что желание подать ходатайство о предоставлении убежища не нужно выражать в какой-либо конкретной форме (см. пункт 53 выше). Точно так же Комитет министров Совета Европы рекомендовал государствам-членам проводить обучение сотрудников пограничных служб, чтобы они могли выявлять и понимать ходатайства о предоставлении убежища даже в тех случаях, когда лица, ищущие убежища, не могут четко сообщить о своем намерении просить убежища (см. пункт 55 выше). В свете этих факторов Суд считает, что слово «азул», которое было написано в семи решениях об отказе заявителей в въезде в Литву, должно было служить достаточным указанием для пограничников на контрольно-пропускном пункте в Мядининкай, что заявители искали убежище.

110. Далее Суд рассматривает события на контрольно-пропускном пункте на железнодорожной границе Вильнюса 22 мая 2017 года. Заявители предоставили Суду копию письменного ходатайства о предоставлении убежища и фотографию этого ходатайства рядом с билетами на поезд из Минска в Вильнюс - они утверждали, что фотография была сделана на пограничном контрольно-пропускном пункте, и они подали это ходатайство пограничникам (см. пункты 18 и 88 выше). Власти не оспаривали подлинность ходатайства о предоставлении убежища или фотографии и не оспаривали утверждение заявителей о том, что эта фотография была сделана на пограничном контрольно-пропускном пункте. При таких обстоятельствах Суд не видит оснований сомневаться в утверждении заявителей о том, что 22 мая 2017 г. они подали

письменное ходатайство о предоставлении убежища на пограничном контрольно-пропускном пункте Вильнюса.

111. По состоянию на 11 мая 2017 года у Суда нет прямых доказательств того, что заявители попросили убежища. Они утверждали, что сделали это в устной форме (см. пункт 14 выше), и Правительство оспорило это требование. Правительство также указало, что в этом случае заявители не написали «азул» или что-либо подобное в решениях, отказывающих им во въезде (см. пункт 93 выше). По мнению Суда, заявителей нельзя упрекнуть в том, что они не записали свои ходатайства о предоставлении убежища в связи с решениями об отказе в их въезде, как они ранее делали это на пограничном контрольно-пропускном пункте в Мядининкай, но безрезультатно (см. пункты 9-12 выше). Он также отмечает, что данные, представленные заявителями, такие как дата и время их прибытия на пограничный контрольно-пропускной пункт в Кене, соответствовали данным, содержащимся в официальных отчетах пограничников (см. пункты 14 и 16 выше), и отчет заявителей об их попытке подать ходатайство о предоставлении убежища на этом контрольно-пропускном пункте соответствовал их рассказам о двух других попытках, которые Суд счел заслуживающими доверия на основании имеющихся документов (см. пункты 108-110 выше). При таких обстоятельствах Суд также принимает как достоверное утверждение заявителей о том, что 11 мая 2017 г. они устно сообщили пограничникам на пограничном контрольно-пропускном пункте Кены, что они ищут убежища (сравните и сопоставьте М.О. против Швейцарии, № 41282/16, § 75, 20 июня 2017 г.).

112. Кроме того, версия событий, представленная заявителями, согласуется с заявлениями УВКБ ООН в Управление Верховного комиссара по правам человека в отношении Литвы, в которых говорится, что существуют «определенные опасения в отношении доступа на территорию и процедуры предоставления убежища» и что было известно о «случаях, когда [имели место] задержки в доступе к процедурам предоставления убежища» (см. пункт 53 выше; см. также «Кебе и другие», упомянутое выше, § 105).

113. Соответственно, Суд убежден, что заявители подали ходатайства о предоставлении убежища в устной или письменной форме на границе Литвы 16 апреля, 11 мая и 22 мая 2017 года. Однако пограничники не приняли эти ходатайства и не направили их в компетентный орган для проверки и определения статуса, как того требует национальное законодательство (см. пункт 30 выше; см. также Директиву о процедурах убежища, упомянутую в пункте 60 выше). Кроме того, в отчетах пограничников их начальству не упоминалось о желании заявителей просить убежище ни в одном из трех случаев (см. пункты 12, 16 и 20 выше) - не было упоминаний ни о написании «азул», ни о письменном ходатайстве о предоставлении убежища. Ни в этих отчетах, ни в любых других документах, представленных в Суд, также не было указаний на то, что пограничники пытались выяснить причину - если это не ходатайство об убежище - присутствия заявителей на границе без действительных

проездных документов. Не похоже также, что вообще была какая-либо оценка того, было ли безопасно возвращать заявителей - семью с пятью очень маленькими детьми - в Беларусь, которая не является договаривающейся стороной Европейской конвенции о правах человека и, согласно публично имеющейся информации, не может считаться безопасной третьей страной для чеченских лиц, ищущих убежища (см. параграфы 64-65 выше).

114. В результате заявители были возвращены в Беларусь без какой-либо оценки их ходатайств о предоставлении убежища (см. *Mutatis mutandis*, Хирси Джамаа и другие, § 147; Амерханов, § 57; и Батырхайров, § 50, все упомянутые выше). Следовательно, очевидно, что меры, которые, по утверждению Правительства, представляли собой адекватные гарантии против высылки лиц, ищущих убежища, - такие как надзор за пограничниками со стороны вышестоящих должностных лиц или мониторинг границ неправительственными организациями (см. пункты 96 и 97 выше) - не были эффективными в настоящем деле.

115. Таким образом, Суд приходит к выводу, что отказ заявителям подать ходатайство о предоставлении убежища и их высылка в Беларусь 16 апреля, 11 мая и 22 мая 2017 года, в отсутствие рассмотрения их заявления, что они столкнутся с реальной угрозой возвращения в Чечню и жестокое обращение там, является нарушением статьи 3 Конвенции.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 13 КОНВЕНЦИИ

116. Заявители жаловались на то, что у них не было эффективных средств правовой защиты в отношении решений об отказе во въезде в Литву. Они ссылались на статью 13 Конвенции, которая гласит:

«Каждый человек, чьи права и свободы, изложенные в Конвенции, нарушены, имеет право на эффективное средство правовой защиты до обращения в государственные органы, несмотря на то, что нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве».

A. Приемлемость

117. Суд отмечает, что данная жалоба не является явно необоснованной согласно подпункту «а» пункта 3 статьи 35 Конвенции и не является неприемлемой по каким-либо иным основаниям. Следовательно, она должна быть признана приемлемой.

Б. Основания

1. Доводы сторон

118. Стороны представили, главным образом, те же аргументы, что и в своих замечаниях относительно исчерпания внутренних средств правовой защиты в отношении жалобы заявителей в соответствии со статьей 3 Конвенции (см. пункты 73-81 выше).

2. Оценка Суда

119. Суд постановил, что апелляция отказа во въезде в административном суде не была эффективным внутренним средством правовой защиты согласно Конвенции, поскольку она не имела автоматического приостанавливающего действия (см. пункты 83-86 выше). Власти не указали никаких других средств правовой защиты, которые могли бы отвечать критериям статьи 13 Конвенции. Соответственно, Суд считает, что имело место нарушение этого положения.

III. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

120. Согласно Статье 41 Конвенции:

«Если Суд установит, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, и если внутреннее законодательство соответствующей Высокой Договаривающейся Стороны допускает лишь частичное возмещение ущерба, Суд, в случае необходимости, предоставит справедливую компенсацию пострадавшей стороне».

A. Ущерб

1. Доводы сторон

(а) Заявители

121. Заявители потребовали 5540 евро в качестве компенсации материального ущерба за расходы на проживание в Беларуси, и расходы на проезд до границы с Литвой. Они не представили никаких документов в подтверждение этого требования.

122. Заявители также потребовали 175 000 евро в качестве компенсации морального вреда:

- 15 000 евро на человека (всего 105 000 евро) за отказ в доступе к процедуре предоставления убежища, повторные возвращения в небезопасную третью страну и отсутствие эффективных средств правовой защиты;

- 10 000 евро на человека (всего 70 000 евро) за неподходящие условия жизни в Беларуси и неподходящие условия содержания на границе с Литвой.

(б) Правительство

123. Правительство заявило, что расходы заявителей на проживание в Беларуси были связаны не только с их попытками въезда в Литву, но и с попытками въезда в Польшу (см. пункты 8 и 22 выше) и, следовательно, не были связаны с нарушениями, обнаруженными в настоящем деле. Оно также утверждает, что заявители не представили никаких подтверждающих заявленную сумму документов.

124. Правительство также утверждает, что требование заявителей о компенсации морального вреда является чрезмерным и необоснованным.

2. Оценка Суда

125. Суд, во-первых, отмечает, что заявители не представили никаких документов, подтверждающих расходы, которые они заявили относительно материального ущерба. Поэтому он отклоняет это требование.

126. Суд также отмечает, что в настоящем деле он установил нарушение прав заявителей в соответствии со статьей 3 Конвенции в связи с тем, что пограничники трижды отказывались принимать их ходатайства о предоставлении убежища, и они были возвращены в Беларусь, а также в связи с их правами согласно статье 13 Конвенции ввиду отсутствия эффективных внутренних средств правовой защиты в отношении их жалобы по статье 3. Суд считает, что требование заявителей о компенсации морального вреда за условия их жизни в Беларуси и условия их содержания на границе с Литвой не связано с установленными нарушениями; поэтому он отклоняет эту часть претензии.

127. С другой стороны, Суд убежден, что заявители испытывали страдания и страх в связи с выявленными нарушениями. Однако он считает, что заявленная ими сумма является чрезмерной. Принимая решение на справедливой основе, Суд назначает заявителям 22 000 евро всего в качестве компенсации морального вреда.

Б. Расходы и издержки

128. Заявители не подавали никаких заявлений в отношении расходов и издержек. Таким образом, Суд не назначает компенсацию по данному основанию.

В. Пеня

129. Суд считает целесообразным, чтобы неустойка основывалась на предельной кредитной ставке Европейского центрального банка, к которой следует добавить три процентных пункта.

В СИЛУ УКАЗАННЫХ ПРИЧИН, СУД

1. *Объявляет*, по большей части, жалобу приемлемой;
2. *Постановил* четырьмя голосами против трех, что имело место нарушение статьи 3 Конвенции в отношении всех семи заявителей;
3. *Постановил* четырьмя голосами против трех, что имело место нарушение статьи 13 Конвенции в отношении всех семи заявителей;
4. *Постановил* четырьмя голосами против трех:
 - (а) что государство-ответчик обязано выплатить заявителям в течение трех месяцев с даты, когда судебное решение окончательно вступит в силу, в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции, 22 000 евро (двадцать две тысячи евро) всего плюс любые налоги, которые могут быть взысканы в качестве компенсации морального вреда;
 - (б) что по истечении вышеуказанных трех месяцев до момента выплаты на указанную сумму уплачиваются простые проценты по ставке, равной предельной ставке кредитования Европейского центрального банка, в течение периода по умолчанию плюс три процентных пункта;

5. Единогласно *отклонил* оставшуюся часть требований заявителей о справедливой компенсации.

Решение вынесено на английском языке, заявителям сообщено в письменном виде 11 декабря 2018 года в соответствии с пунктами 2 и 3 правила 77 Регламента Суда.

Андреа Тамьетти Анна Юдковская
Заместитель Секретаря Председатель

В соответствии с пунктом 2 статьи 45 Конвенции и пунктом 2 правила 74 Регламента Суда к настоящему решению прилагаются следующие отдельные мнения:

- а) совпадающее мнение судьи Пинту де Альбукерке;
- б) совместное особое судей Раварани, Босняка и Пачолая.

А.Ю.

А. Н. Т.

СОВПАДАЮЩЕЕ МНЕНИЕ СУДЬИ ПИНТУ ДИ АЛЬБУКЕРКЕ

1. Принудительное возвращение мигрантов на границах или транзитных зонах – это, пожалуй, самый острый вопрос в европейской политике. В результате государства несут ответственность за нарушения прав человека, которые происходят во время иммиграции людей и процедур пограничного контроля. Европейский Суд по правам человека (далее – Суд) остаётся верным гарантом Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Настоящее постановление Суда по делу, которое касается коллективного отказа на въезд семьи, состоящей из семи российских граждан, на территорию Литовской Республики, является подтверждением данной функции.

В связи с этим, я согласен с выводом большинства судей о том, что была нарушена Статья 3 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция). Личные обстоятельства заявителей не были изучены, и им отказали во въезде, что могло бы повлечь за собой возвращение семьи в Чечню, где они могли быть подвергнуты жестокому обращению. Также была нарушена Статья 13, поскольку гражданам не было предоставлено эффективное средство правовой защиты, а именно, средство с автоматическим приостанавливающим действием.

2. Тем не менее, я бы хотел воспользоваться возможностью дополнить мысли, которые уже были развиты в моём совпадающем мнении по делам «Хирси Джамаа и другие против Италии», а также «Де Соуза Рибейро против Франции», в связи с тем, что настоящее постановление было встречено некоторыми странами и политическими партиями со скептицизмом. С этой

целью я подробно рассмотрю осуществление юрисдикции соответствующим государством на границе, а также его обязанность защищать установленные Конвенцией права искателей убежища, подпадающих под его юрисдикцию. В частности, право лиц, ищущих убежища, на доступ к международной процедуре защиты.

Осуществление юрисдикции на границе согласно Конвенции

3. Именно прецедентное право Суда, как олицетворение отправления правосудия, является обязательным условием для привлечения государства к ответственности. В решении по делу «Хирси Джамаа и другие против Италии» Суд подчеркнул, что «в случае, когда государство с помощью своих агентов ... контролирует человека и управляет им, соответственно, осуществляет юрисдикцию, согласно Статье 1, государство обязано гарантировать этому человеку права и свободы согласно Разделу 1 Конвенции о защите прав и свобод человека, которые соответствуют данной ситуации».

Суд заключил, что в период между произведением посадки на корабли итальянских вооружённых сил и передачей властям Ливии истцы юридически и фактически были под контролем итальянских властей.

Стоит отметить, что Суд посчитал, что Италия не могла не выполнять свои обязанности в рамках Конвенции потому, что якобы проводила спасательную операцию в открытом море. В частности, в деле «Хирси Джамаа и другие» рассматривается вопрос о том, что действие Статьи 4 Протокола №4 не ограничено территориальными перемещениями и включает в себя экстерриториальную высылку мигрантов, нацелено на то, чтобы устранить разницу в предоставлении защиты, поскольку для Суда не существует «области за пределами закона, где люди не защищены юридической системой, которая могла бы предоставить им права и гарантии в рамках Конвенции. Государства взяли на себя обязательство обеспечить всех данными правами и обязанностями в пределах своей юрисдикции».

4. Если депортация иностранных граждан осуществляется в открытом море, как в деле «Хирси Джамаа и другие», и считается осуществлением юрисдикции, недопуск или отказ в приеме мигрантов на границе страны также считается подобным осуществлением юрисдикции.

Другими словами, Конвенция и её Протоколы применимы к мигрантам, которые (легально или нелегально) пересекли границу, поскольку территориальное осуществление юрисдикции начинается с границы и уменьшения обязательств государства или освобождения от них не будет иметь места, какой бы ни была физическая граница.

Любое другое толкование, которое бы ограничивало осуществление юрисдикции посредством искусственного перемещения границ внутрь страны и создания пробела в предоставлении защиты, нарушает обязательство добросовестно

интерпретировать Конвенцию и ее дополнительные протоколы, в контексте их объекта и цели и в соответствии с принципом эффективности.

Как я ранее утверждал в других частях документа, «усечение» части территории государства от миграционной зоны с целью избежать выполнения общих юридических гарантий в отношении людей, которые приезжают в эту «усеченную» часть, является грубым нарушением обязанностей государства по международному праву. Это касается и дела «Н.Д. и Н.Т против Испании».

5. В данном деле, как и в «Хирси и Джамаа и другие», Суд проявил настойчивость. Он подчеркнул, что «там, где один человек контролирует другого, юридически это контроль над соответствующими людьми со стороны государства..., другими словами, осуществляется эффективный контроль властей государства вне зависимости от их местоположения, будь то территория страны как таковая либо ее границы».

По этой причине Суд признал несостоятельным довод ответчика в лице правительства. Даже если предположить, что «ограда находилась на границе Испании», согласно Статье 4 Протокола №4, действия по задержанию истцов правоохрнительными органами, надеванию наручников и отправке в Марокконе попадали под юрисдикцию Испании.

Ключевым аргументом для Суда стал тот факт, что юрисдикция также осуществляется на территории между оградами на пункте пропуска Мелилья, а не только за пределами защитных конструкций данного пункта пропуска.

С момента, когда истцы спустились с ограды на границе, они находились, как минимум фактически, под постоянным исключительным контролем испанских властей.

Это подтверждает мое мнение о том, что «иммиграция и пограничный контроль являются важнейшими функциями государства, и все формы такого контроля ведут к осуществлению юрисдикции со стороны государства».

Осуществление юрисдикции на границе согласно международному праву беженцев

6. Подтверждение осуществления государством юрисдикции на его границах настолько важно, что оно позволяет полностью рассмотреть отношения между правами человека и правом беженцев, а именно, гарантировать уважение принципа невысылки (non-refoulement), который «лежит в основе международной защиты беженцев».

7. Действительно, сам французский термин “высылка” (refoulement), введенный в обиход членом Сената Франции, Жераом Корню, определен им следующим образом: это мера, посредством которой государство запрещает иностранцу, который требует пустить его на территорию страны, пересекать границу. Дэнис Аллан и Катерин Тетжен-Колли считают, что оно означает «запрет на проживание на территории страны» и «запрет на въезд». Само

определение понятия подразумевает наличие пограничных проверок в пределах компетенции государств-участников.

Кроме того, принцип запрета на высылку не действовал бы, если бы государство могло препятствовать осуществлению принципа посредством противодействия, недопуска или отказа на границе.

В этом смысле Исполнительный Комитет УВКБ ООН подчеркнул «основополагающую важность соблюдения на границе и на территории государства принципа запрета на депортацию людей, которые по возвращении в родную страну могут подвергаться преследованиям, вне зависимости от того, был ли им официально присвоен статус беженцев».

Данный принцип международного права беженцев закреплён в праве Союза, одобрен Парламентской ассамблеей и Комитетом министров Совета Европы, а также Межамериканской комиссией по правам человека.

8. В своем докладе о ситуации с правами беженцев, семей мигрантов и детей мигрантов без присмотра родителей в США (2015) Межамериканская комиссия акцентировала внимание на том, что территория под юрисдикцией страны «включает в себя границы с другими государствами или любую территорию, на которой государство управляет границей».

То есть, любые действия по управлению границей находятся под юрисдикцией страны, которая осуществляет эффективный контроль над границей.

Специальный докладчик ООН по вопросу о пытках и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видах обращения и наказания также выступал за именно такое толкование термина. По его словам, «важно следить за тем, чтобы из-за ненадлежащих и искусственных ограничений территориальной юрисдикции не было пробела в области защиты прав человека».

В связи с этим, нужно всегда помнить, что «с точки зрения людей, которые просят защиты, материалы, которые они предоставляют для рассмотрения вопроса депортации, могут быть вопросом жизни и смерти».

Юрисдикция над делом, находящегося в производстве

9. В настоящем деле государство-ответчик не отрицало, что 16 апреля 2017 года оно осуществило отправление правосудия на своих границах в момент, когда Пограничная служба страны вынесла решение отказать истцам во въезде и отвезла их обратно в Беларусь;

11 мая 2007 года служба приняла еще одно решение отказать им во въезде, удерживала под стражей истцов на пункте пропуска на протяжении нескольких часов и отвезла их обратно в Беларусь;

22 мая 2007 года служба приняла еще одно решение отказать им во въезде, удерживала под стражей истцов на пункте пропуска всю ночь и отвезла их обратно в Беларусь.

С учетом перечисленных фактов, нет сомнений в том, что истцы были под контролем сотрудников литовской границы. Таким образом, я полностью согласен с большинством судей, которые утверждают следующее: «очевидно, что именно Литва осуществила действия, на которые истцы подали иск».

10. Другими словами, подход, выбранный Палатой в данном деле, не предусматривает ситуацию, в которой Литовская Республика могла бы уклониться от осуществления юрисдикции и таким образом освободиться от обязательств по Конвенции.

Подобное толкование понятия «осуществление юрисдикции государством» является не только необходимым условием предоставления доступа истцам к международной защите, но и более широко гарантирует эффективную защиту их основных прав и таким образом позволяет избежать ситуации, когда границы Литовской Республики оказались территорией, которая никому не принадлежит.

В этой связи важно, что «все виды иммиграции и пограничного контроля, осуществляемого государством-участником Конвенции о защите прав человека и основных свобод, подчиняются стандартам прав человека, установленным в Конвенции и Судом».

Немедленный отказ и возврат мигрантов на границе

11. В деле «Хирси Джаама и другие» итальянское правительство подтвердило, что Статья 4 Протокола №4 не касалась текущего дела, поскольку гарантия, данная ранее упомянутым положением, начала действовать только в момент депортации людей, которые были на территории государства или пересекли границу государства нелегально. В настоящем деле рассматриваемым вопросом является отказ на въезд на территорию государства, а не «депортация». Истцы утверждали, что этот запрет также должен действовать на такие меры, как противодействие мигрантам в открытом море, выполненное без какого-либо предварительного официального решения, поскольку такие меры могут приравниваться к «скрытой депортации». Телеологическая и экстерриториальная трактовка этого положения помогла бы сделать это положение практическим и эффективным, а не теоретическим и иллюзорным.

12. Суд определил настоящий правовой спор следующим образом: «Суд обязан, во-первых, изучить, касается ли Статья 4 Протокола №4 дела о депортации иностранных граждан в третью страну за пределами государственной территории».

На этот вопрос Суд дал четкий ответ: «формулировка Статьи 4 Протокола №4 не представляет собой препятствие к экстерриториальному применению. Следует отметить, что Статья 4 Протокола №4 не содержит отсылок к понятию «территория».

13. Более того, Суд добавил, что «согласно составителям Протокола №4, слово «депортация» должно быть трактовано «в общем смысле, в настоящее время (уехать из места)». Что более важно, нацеленная трактовка

упомянутого положения, в соответствии с принципом эффективности, подразумевает, что

«Если к Статье 4 Протокола №4 нужно было прибегать только в случае коллективных депортаций из территории государства стран-участников Конвенции, значительная составляющая современных миграционных паттернов не попадала бы под действие данного положения, несмотря на тот факт, что действия, который оно нацелено запретить, могут быть выполнены за пределами территории государства, в частности, как в вышеупомянутом случае, в открытом море.

Статья 4, таким образом, не была бы эффективной на практике относительно подобных ситуаций, которых, к сожалению, становится всё больше. Последствия будут такими: вышедшие в море мигранты, рискуя жизнью и не достигнув государства, должны будут пройти процесс изучения личных обстоятельств до того, пока их не депортируют, хотя ситуация с мигрантами, передвигающимися по суши, другая.

Таким образом, депортация иностранных граждан, произведенная в условиях задержания в открытом море властями государства в порядке осуществления их суверенной власти, цель которой состоит в том, чтобы не дать мигрантам достигнуть границ государства или даже оттеснить их к другому государству, является осуществлением юрисдикции по определению Статьи 4 Конвенции, которая подразумевает ответственность соответствующего государства согласно Статье 4 Протокола №4.

Следовательно, Суд обнаружил нарушение Статьи 4 Протокола №4, поскольку «депортация истцов обладала коллективным характером».

Делая выводы из данной аргументации, законно будет заключить, что «Цель положения (Статьи 4 Протокола №4) состоит в том, чтобы гарантировать право беженцам подачи иска, который будет рассмотрен в индивидуальном порядке, вне зависимости от того, каким образом беженец достиг соответствующей страны: сухопутно, по морю или по воздуху, легально или нелегально.

Таким образом, суть положения требует одинаково широкого толкования понятия коллективной депортации, которое включает в себя любую коллективную операцию по экстрадиции, депортации, неофициальному перемещению, «выдаче», недопуску, отказу во въезде и любую другую коллективную меру, которая вынудила беженца остаться в родной стране, вне зависимости от того, где проходит соответствующая операция.

14. Несмотря на единогласное решение Большой Палаты в деле «Хирси Джамаа и другие» касательно широкого значения «депортации» применительно к целям Статьи 4 Протокола №4, некоторые государства продолжают игнорировать и иногда оспаривают данное дело.

В их представлении факты дела не приравнивались к «коллективной депортации иностранных граждан», как итальянское правительство придерживалось своей позиции в деле «Хирси Джамаа и другие», а также «Шарифи и другие».

Поскольку истцы не смогли пройти через конструкции, предназначенные для защиты границы в виде трёх заборов подряд, испанское правительство утверждало, что они не зашли на испанскую территорию и действия полиции были направлены только на то, чтобы помочь им спуститься с третьего забора.

Это была такая же аргументация, как в случае с итальянским правительством, которое утверждало, что помогало людям в открытом море тем, что службы посадили их в итальянские суда в Средиземном море и доставили в Африку.

15. В случае с Испанией, Суд привёл логически безупречный и более убедительный довод, чтобы противопоставить его позиции правительства: «При условии, что даже задержания в открытом море производятся в рамках Статьи 4 Протокола №4 (см. вышеприведенный «Хирси Джамаа и другие»), то же самое должно относиться к якобы законному отказу во въезде на государственную территорию граждан, приезжающих в Испанию нелегально». Поскольку истцы были вывезены и возвращены в Марокко против их желания, эти действия приравниваются к «депортации» согласно Статье 4 Протокола №4

Также эта «депортация» обладала коллективным характером, поскольку количество иностранцев, подвергшимся таким решениям, неважно. Важен вопрос, было ли каждое ходатайство мигранта рассмотрено в индивидуальном порядке. В деле «Н.Д. и Н.Т.» подобного рассмотрения ходатайств истцов не было.

Более того, Суд подчеркнул, что пограничные органы немедленно отвезли истцов обратно и у них не было ни переводчика, ни представителя власти, который мог бы минимально рассказать им о праве беженца на обжалование и/или соответствующую процедуру обжалования их депортации.

Не было заявлено никакого требования в отношении национальной, расовой, этнической, религиозной или какой-либо другой однородности членов группы, которым бы грозила депортация. Касательно «немедленного характера фактической депортации», Суд постановил, что власти страны нарушили Статью 13 Конвенции во взаимосвязи со статьей 4 Протокола №4.

16. В связи с текущим неблагоприятным политическим климатом по отношению к беженцам и мигрантам в целом, а также к мигрантам, приезжающим в Европу в частности, сопутствующим увеличивающимся давлением на Суд со стороны правительств некоторых государств, следует подчеркнуть настойчивость Суда в деле с Мелильей.

Суд не оставил свою принципиальную позицию в связи с целесообразным толкованием концепции «депортации» применительно к целям Статьи 4 Протокола №4, которые включают в себя любую «немедленную...фактическую депортацию», либо, выражаясь словами составителей Протокола №4, любую форму изгнания человека из места, включая недопуск, отказ или вывоз мигрантов на границе.

В соответствии с доводами государства-ответчика, касающимися обязанности Испании как суверенного государства защищать свои границы от попыток нелегально

проникнуть в страну, нужно помнить, что Суд уже постановил, что управление миграционными потоками или принятием беженцев не может оправдать обращение к практикам, которые противоречили обязанностям государства в рамках Конвенции.

17. Тот факт, что мигранты совершили попытку нелегального проникновения на территорию Испании тем, что пересекли наземную границу, является неуместным, поскольку сфера действия Статьи 4 Протокола №4 не ограничена только легальным проникновением мигрантов на территорию страны.

Очевидно, что решение Палаты не признало нелегальные действия мигрантов, которые перелезали три следующие друг за другом ограды, законными, не говоря уже о поддержании системы защиты границы на неавторизованных пропускных пунктах, как в случае с Мелильей, которое является нарушением прав человека.

Суд решил, и сделал это с безупречной связанностью с постановлением по делу «Хирси Джамаа и другие», что, когда мигранты подпадают под юрисдикцию стран-участниц, как это было, когда Гражданская гвардия их арестовала, надела на них наручники и отвезла обратно, у них есть право остаться, или же, выражаясь словами составителей Протокола №4, «не быть высланными» без какого-либо рассмотрения жалоб в индивидуальном порядке.

Безусловно, Палата не решила, что мигранты имеют право проникать на территорию страны без прохождения какой-либо проверки.

Таким образом, довод испанского правительства о том, что решение в пользу истцов создало бы нежелательный «всасывающий эффект» и привело бы к миграционному кризису и разрушительным последствиям для защиты прав человека, был заблуждением во устрашение и не имел никакой юридической значимости.

Такой тип довода, с использованием чрезвычайного миграционного давления как предлога для политического курса, неблагоприятного для прав человека, был уже приведен в деле «Де Соуза Рибейро против Франции» и был отклонен Судом.

В связи с этим, особенно важно, что в рамках Рабочей группы по универсальному периодическому отбору правительство Австрии и согласные с ним правительства других стран попросили Испанию пересмотреть нынешние методы депортации мигрантов в Сеуте и Мелилье, а также предложили внести поправку в закон о национальной безопасности Испании, чтобы предоставить человеку право искать убежище.

18. Если бы Суд прямо отклонил довод итальянского правительства по причине того, что не было никакой логической преграды для применимости Статьи 4 Протокола №4 в деле «Хирси Джамаа и другие», а именно, тот факт, что истцы не были на итальянской территории во время своего перехода в Ливию, эта мера, по мнению правительства, не могла бы считаться «депортацией» в принятом значении этого термина. В таком случае Суд был бы обязан подтвердить, что значение «коллективной депортации» включает в себя

любую форму принудительного перемещения внутри пограничных барьеров, вокруг, вдоль или в них и, очевидно, любую форму депортации из международных или транзитных зон или территорий, отведенных для иммиграционных целей в соответствии с юрисдикцией соответствующего государства.

Это также включает в себя методы отказа на въезд людям на границе, так называемые, «горячие депортации», как это происходит с Мелилей, которую критикует Комитет по противодействию пыткам, Комитет по правам человека, Комитет по ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, а также специальный докладчик ООН по правам мигрантов.

Чтобы сделать вид, что Статья 4 Протокола №4 не касается недопуска или отказа на границе, они стали бы отталкиваться от недавнего единогласного решения по делам «Хирси и другие» и «Шарифи и другие», а также грубо нарушили бы принцип добросовестного толкования Конвенции и ее дополнительных Протоколов, в контексте их объекта и цели и в соответствии с принципом эффективности.

Обязанность государства уважать и защищать права человека на границе

19. Страны-участницы Конвенции имеют право контролировать въезд, проживание и депортацию иностранных граждан, согласно их общепринятым обязательствам и обязательствам в рамках договора.

В системе защиты прав человека, установленной Конвенцией, «законное стремление государств помешать всё более частым попыткам нарушить ограничения иммиграции не должно лишать беженцев возможности искать убежище, которое им предоставляется [в рамках Европейской Конвенцией о защите прав человека и основных свобод, а также Женевской Конвенции].

В этой связи в делах Суда, касающихся пограничного контроля, должны быть сохранены в силе следующие два принципа. С одной стороны, очевидно, что ни один человек под руководством и контролем государства, вне зависимости от обстоятельств, не должен быть лишен законной защиты его или её основных и неотчуждаемых прав».

С другой стороны, «государства обязаны уважать, продвигать и соблюдать права человека, вне зависимости от того, осуществляют они юрисдикцию или эффективный контроль». Также «государства обязаны обеспечить все возможные меры по контролю границы с другими государствами, включая меры, нацеленные на регулирование неравномерной миграции..., которые соответствуют принципу запрета на депортацию и запрета на произвольную и коллективную высылку.

Следовательно, «Юрисдикция государства над иммиграцией и пограничным контролем закономерно подразумевает ответственность государства за нарушения, совершаемые в ходе осуществления данного контроля».

Другими словами, признание юрисдикции государства на его границах непосредственно связано с применимостью соглашений в области прав человека,

которые включают в себя «позитивные меры для гарантии, что люди, находящиеся под их юрисдикцией, могут осуществлять свои права».

Подтверждение применимости принципа запрета на депортацию и, в более широком смысле, прав человека на границе государства признается на европейском и международном уровнях.

20. Этот подход был принят Межамериканским судом по правам человека, а также на европейском уровне правом Европейского Союза и прецедентным правом Суда.

К примеру, Суд постановил, -----, что «стоит отметить, что погранслужбы, выполняющие свои обязанности по определению Статьи 6 Регламента № 562/2006 [Шенгенский кодекс о границах], обязаны, помимо всего прочего, в полной мере уважать человеческое достоинство» (§ 40), а также добавил, что если ситуацию «не регулирует право Европейского Союза, его нужно тщательно изучить... исходя из внутригосударственного права, принимая во внимание Европейскую конвенцию о защите прав человека и основных свобод..., все страны-члены ЕС являются одной стороной».

Тем не менее, обязательства государства в этой связи включают в себя особые обязательства для погранслужб, которые являются составляющей частью общей политики предоставления убежища.

21. Что касается, дела, находящегося в производстве, решения отказать во въезде касались семерых людей, то есть, первого истца, его жены и пятерых детей. Они прошли обучение в области прав человека, которые защищаются Конвенцией и дополнительными Протоколами. Если бы истцы подали иск на нарушение Статьи 4 Протокола №4, данное нарушение было бы обнаружено, поскольку их ситуация не была рассмотрена местными властями в индивидуальном порядке.

К тому же, когда существует «настоящий риск» того, что соответствующие лица «будут подвергаться пыткам или бесчеловечному и унижающему достоинство обращению или наказанию в принимающей стране..., Статья 3 подразумевает обязательство не депортировать данного человека из соответствующей страны».

Следовательно, у государства есть основополагающее обязательство «обеспечить, чтобы никому отказали во въезде на границе, никого не депортировали и всех допускали или предпринять любую другую меру, которая бы не вынудила беженца вернуться в родную страну или остаться в ней, где он бы был подвержен наказанию на почве расы, религии, национальности, принадлежности к определенной социальной группе или политических взглядов».

Для того, чтобы предотвратить риск причинения непоправимого вреда, государству нужно оценить не только «ситуацию в принимающей стране», но и индивидуальную ситуацию человека, ищущего убежище.

Таким образом, крайне важно, чтобы запрет на депортацию был применим для любой формы отказа во въезде на границе, и чтобы осуществлялась эффективная защита прав беженцев. По этой причине уже на границе таким людям нужно предоставить эффективный доступ к международной процедуре защиты.

Право доступа к международной процедуре защиты.

22. Когда многие правительства усилили давление на эмигрантов из стран Африки к югу от Сахары, включая зарегистрированных беженцев, УВКБ заявило, что «принцип запрета на депортацию... требует, как правило, чтобы государства предоставляли людям, ищущим международную защиту, доступ на территорию, а также обеспечивали честные и эффективные процедуры по предоставлению убежища».

Пока государство не провело эффективный анализ, который учитывает личные обстоятельства каждого мигранта, соответствующее лицо не может быть депортировано или экстрадировано, ему нельзя отказать во въезде на территорию государства.

23. Этот подход был одобрен Рекомендуемыми принципами и руководящими положениями в отношении прав человека на международных границах, установленными Верховным комиссаром ООН по правам человека, правом Европейского Союза, а также прецедентным правом Суда.

Как установлено в решении Большой Палаты по делу «Ф.Г. против Швеции», на государства возложено несколько особых обязанностей в соответствии с процессуальными аспектами Статьи 2 и 3 Конвенции.

24. В соответствии с принципом эффективности, невозможно, чтобы Суд обеспечивал эти процедурные гарантии без предварительной защиты, «которая, в сущности, позволяет воспользоваться такими гарантиями», а именно предоставить доступ к процедуре.

В связи с тем, что, согласно определению, материализация риска непоправимого вреда приводит к ситуации, когда государство больше не может устранить ошибку, важно, чтобы беженцам был предоставлен доступ к процедуре предоставления убежища.

Чтобы это сделать, государства обязаны, во-первых, обучать сотрудников пограничных служб и повышать их осведомленность, поскольку тот факт, что соответствующие лица не ходатайствовали о предоставлении убежища, не освобождает государство от обязанностей по Статье 3 Конвенции.

Сотрудники пограничных служб должны уметь устанавливать подлинность прошения о предоставлении убежища и впоследствии действовать согласно своим функциям, которые подразумевают владение соответствующим языком. Помимо всего прочего, государство обязано обеспечить беженцам доступ к переводчикам.

В заключение, Суд и Европейский Суд не только требуют, чтобы каждый беженец мог подать апелляцию на решение отказать в международной защите и чтобы

на момент, когда принято решение о возвращении, оно имело автоматическое приостанавливающее действие.

25. В настоящем деле основной вопрос состоял в том, «насколько хорошо рассмотрели литовские власти жалобу истцов» о том, что беженцы будут подвергнуты настоящему риску жестокого обращения.

Я разделяю большинство заключений судей о том, что сотрудники пограничных служб Литвы не выполнили своих процессуальных обязательств в рамках Конвенции. Более того, ситуация осложняется в связи с тем, что речь идет о семье с пятью маленькими детьми, то есть истцы принадлежат одному из самых незащищенных слоев населения.

Местные власти не только не приняли во внимание тот факт, что «истцы имеют статус беженцев и являются принадлежащими одному из самых незащищенных слоев населения и нуждаются в особой защите».

Принципиально важно, что иммигранты «самая подверженная потенциальным или действительным нарушениям прав человека группа». Что еще хуже, они не учли ситуацию с детьми истцов, поскольку «чрезвычайная незащищенность детей является решающим фактором и имеет преимущественную юридическую силу над аспектами, связанными со статусом нелегального иммигранта».

Заключение

26. Вследствие нового и опасного мира «пост-международного права», это мнение – призыв к строительству мостов, а не стен, мостов, необходимых тем, кто нуждается в международной защите, а не стен, вырастающих в последние годы из-за страха, который проник через глобальные каналы ненависти.

Под видом борьбы с нелегальной иммиграцией, торговлей людьми и контрабандой, эти физические барьеры отражают злонамеренную политику изоляции и на самом деле представляют собой сложившееся злокачественное политическое мировоззрение в некоторых уголках земли. Оно воспринимает мигрантов как угрозу, с которой нужно бороться любыми доступными методами, и рассматривает ходатайства на предоставление убежища как беспочвенные фантазии людей, которые намерены внести хаос в западный мир.

Культура страха, с её безумными рассуждениями против «космополитических элит» и «чуждого» мультикультурализма, её ядовитая риторика о «своем стиле жизни» и «политике идентичности» стала частью мейнстрима.

27. Для того, чтобы оставаться «совестью Европы», Суд обязан гарантировать эффективную защиту мигрантам, в особенности, беженцам, что требует тщательного изучения деятельности государств на их границах, в частности, обеспечение права на доступ к процедуре предоставления международной защиты.

Границы стран – не зоны отчуждения или исключения обязательств государств в области прав человека, эта обязанность должна выполняться и на промежуточных зонах между пограничными заграждениями и транзитными зонами.

Юрисдикция в рамках беженского права и права по правам человека должна быть осуществлена в пределах территории государства, включая его границы, международные и транзитные зоны или территории, которые отведены для иммиграционных целей.

28. Более того, Суд обязан сопротивляться двум соблазнам, вне зависимости от того, насколько они настойчивы и как долго они его привлекают.

Отказ в рассмотрении иска, когда мигранты фактически и юридически находятся в руках и в милости органов пограничного контроля, когда, например, их арестовали, задержали, надели наручники или держали под стражей для того, чтобы отвезти обратно, будет грубым нарушением правовой силы Конвенции и ее дополнительных Протоколов, посредством создания недопустимого правового вакуума на границе стран-участниц Конвенции.

29. Признание юрисдикции на границе, но отказ от принципа, что мигранты, которые подпадают под юрисдикцию стран-участниц, имеют право не быть возвращенными или депортированными без рассмотрения жалобы мигранта в индивидуальном порядке, стало бы лицемерным, губительным толкованием Конвенции и её дополнительных Протоколов.

Позволить людям быть отвергнутыми на границе и возвращенными без рассмотрения их индивидуальных жалоб – значит обращаться с ними как с животными. Мигранты – не крупный скот, который можно просто так увезти.

30. Ни один из этих двух вариантов: отказ от юрисдикции или от права на рассмотрение жалоб мигрантов в индивидуальном порядке, отказ во въезде или депортация на границе, так называемые «горячие депортации» – не пойдет на пользу репутации Суда.

Поскольку настоящее постановление не приняло ни одного варианта и вместо этого осталось верными недавнему единогласному решению по делу «Хирси Джамаа и другие» и «Шарифи и другие», оно заслуживает похвалы.

СОВМЕСТНОЕ ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЕЙ РАВАРАНИ, БОШНЯКА И ПАКЗОЛАЙ

1. При всем уважении к нашим коллегам, мы, к сожалению, не можем согласиться с большинством в том, что имело место нарушение статей 3 и 13 Конвенции.

2. Не вызывает никаких сомнений то, что в данном случае заявители три раза присутствовали на различных пограничных пунктах между Беларусью и Литвой и что во всех трех случаях им было отказано во въезде на территорию Литвы. Стороны спорят о том, представили ли заявители, как они утверждают, ходатайства о

предоставлении убежища, или, как утверждают правительственные органы, они не представили такого ходатайства и просто попытались въехать на территорию Литвы. Фактически оспариваемые решения не рассматривали их в качестве лиц, просящих убежища.

3. Насколько мы разбираемся в Литовской правовой системе, закон разграничивает обычный въезд на территорию и ходатайство о предоставлении убежища.

В случае въезда без ходатайства о предоставлении убежища компетентные пограничные органы – ГПС (Государственная пограничная служба) – уполномочены и обязаны проверять, имеет ли иностранец действующую визу или вид на жительство. В случае отказа во въезде иностранец имеет право обжаловать решение в административном суде. Поскольку в течение периода, разрешенного для апелляции, иностранцы имеют право оставаться на территории Литвы, апелляция сама по себе не является отлагательной, но компетентный суд может сделать свое решение таковым (см. пункты 37 и 38 постановления).

В случае подачи ходатайства о предоставлении убежища решение о том, разрешить ли просителю убежища въезд в Литву, принимается Департаментом миграции. Решения об отказе могут быть обжалованы, и в течение времени, отведенного для подачи данной апелляции, и, кроме того, во время самой апелляции просители убежища имеют право оставаться на пограничном контрольно-пропускном пункте (см. там же).

4. В данном случае заявители не обжаловали решения, согласно которым, они считались “обычными” иностранцами, добивающимися въезда в Литву и не представившими необходимые документы, и которые отказали им во въезде на территорию. Они сочли, что, поскольку такая апелляция не имеет автоматического приостанавливающего действия, она не может рассматриваться в качестве эффективного средства правовой защиты, препятствующего их возвращению в страну, из которой они прибыли, и, в конечном счете, в страну происхождения, с риском подвергнуться жестокому обращению.

Не вызывает сомнений то, что если бы заявители были «обычными» иностранцами, желающими въехать в страну, средство правовой защиты, доступное в соответствии с Литовским законодательством, не соответствовало бы требованиям Конвенции, поскольку Договаривающиеся государства имеют право в соответствии с устоявшимся международным правом и с учетом своих договорных обязательств, включая Конвенцию, контролирующую въезд, проживание и высылку иностранцев (см., например, *F.G. v. Sweden* [GC], no. 43611/11, ECHR 2016, и *Üner v. the Netherlands* [GC], no.46410/99, ECHR 2006 XII) и, следовательно, предоставление и механизм средств правовой защиты в случае отказа во въезде остаются на усмотрение местных властей.

Остается открытым вопрос о том, являлись ли эффективными доступные средства правовой защиты в случае предполагаемого риска жестокого обращения. В случае подачи ходатайства о предоставлении убежища, в устной либо письменной форме, в соответствии с Литовским законодательством решение о рассмотрении ходатайства о предоставлении убежища на основе обстоятельств дела принимается Департаментом миграции в течение сорока восьми часов с момента подачи данного ходатайства. Хотя в постановлении прямо не указано, мы делаем вывод на основании пункта 28, что до тех пор, пока предварительное решение не будет принято, иностранец будет оставаться на пограничном контрольно-пропускном пункте или в транзитной зоне. Если ходатайство просителя убежища было отклонено, он может подать апелляцию и в течение периода подачи апелляции, а также в период рассмотрения апелляции он не может быть выслан с территории Литвы (см. пункт 3 выше).

5. Поэтому следует отметить, что настоящее решение основывается на Прецедентном праве суда, касающемся средств правовой защиты в отношении решений о высылке из одного из Договаривающегося государства в страну, где существует риск жестокого обращения, которые считаются эффективными только в том случае, если они имеют автоматическое приостанавливающее действие (см. пункт 83 решения). Действительно, в таких случаях Договаривающиеся государства связаны как материально-правовыми, так и процедурными требованиями, следующими из статей 2 и 3 Конвенции, и должны обеспечить надлежащее рассмотрение просьбы заявителя, пока он или она не будут высланы с территории. В постановлениях *M.S.S. v. Belgium и Greece* [GC], no. 30696/09, ECHR 2011, и *L.M. and Others v. Russia*, nos. 40081/14 и двое других, 15 October 2015, Суд рассмотрел ситуации, когда заявители въехали на территорию соответствующих государств-респондентов, но впоследствии стали предметом постановлений о высылке. В настоящем деле заявителям было отказано во въезде на территорию Литвы. В системе Конвенции существует четкое разграничение между высылкой и правом на въезд на территорию (сравните первый и второй пункты статьи 3 Протокола № 4 Конвенции). Хотя право на въезд зарезервировано за гражданами каждой Высокой Договаривающейся Стороны (см. пункт 2 статьи 3 Протокола № 4), существует ряд конвенционных гарантий, применимых в области высылки иностранцев, либо прямо предусмотренных Конвенцией (см. статью 4 Протокола № 4), либо разработанных на основе Прецедентного права суда. Различие между «высылкой», с одной стороны, и «отказом во въезде» или «недопуском» с другой стороны, также четко обосновано в международном праве, согласно которому термин «высылка» применяется только к иностранцам, находящимся на территории или внутри государства. Например, в проекте статьи 2 Комиссии международного права о высылке иностранцев проводится различие между «высылкой» и «недопуском». Термин "высылка", используемый в этом смысле, не включает в себя отказ на границе или другой отказ в разрешении на въезд на территорию страны.

6. В отсутствие устоявшейся Прецедентной практики или, по крайней мере, однозначных полномочий в Прецедентной практике суда, регулирующих такие ситуации, как в данном случае, мы считаем, что настоящее решение должно было занять четкую позицию относительно того, каковы точные обязательства властей согласно статье 3 в ситуациях, когда иностранец находится на границе и подает ходатайство о предоставлении убежища, включая предварительную оценку, правовой статус иностранца в течение этого периода и решение - отказ въезда или высылка с территории - которые могут быть приняты, если власти сочтут, что проситель убежища не имел, по крайней мере, аргументированного заявления о том, что в стране происхождения, либо в стране, где он или она могут быть высланы (вопрос, который также заслуживает совокупного, альтернативного или исключительного ответа Палаты) существует риск жестокого обращения.

7. Как бы то ни было, помимо вопроса неисчерпания эффективного средства правовой защиты и пробелов в оценке правовых обязательств властей после того, как иностранец явится на границу с ходатайством о предоставлении убежища, мы не можем согласиться с фактическими предположениями, лежащими в основе решения большинства. Следует подчеркнуть, что судом даже не установлено, что заявители когда-либо обращались с прошением к властям государства-респондента, утверждая, что в случае отказа во въезде они рискуют быть возвращенными в Россию, где, в свою очередь, существует риск жестокого обращения. Кроме того, оказывается, сами заявители утверждают, что они не предоставляли такие прошения литовским властям.

8. Что касается попытки заявителей въехать на территорию государства-респондента 11 мая 2017 года, то они не представили пограничным органам каких-либо причин, объясняющих, почему, по их мнению, они имели право на въезд.

Ранее, 16 апреля 2017 года, заявители написали слово кириллицей «азул» (которое, по словам заявителей, обычно использовалось просителями убежища из Чечни) на решениях об отказе во въезде, в месте, указанном для их подписи. Мы полагаем, что в отсутствие каких-либо других указаний и принимая во внимание тот факт, что русский язык и кириллический алфавит не являются официальными или даже широко распространенными в Литве, нельзя ожидать от пограничников владения разговорными терминами из региона третьей страны. Учитывая, что фамилии заявителей начинаются с буквы А, у пограничных властей не было оснований сомневаться в том, что написанное заявителями слово не было их подписью.

Что касается попытки заявителей от 22 мая 2017 года, то они утверждают, что подали письменное ходатайство о предоставлении убежища на русском языке и на кириллице литовским властям. Они предоставили суду фотографию этого ходатайства вместе с билетами на поезд, которые, по их утверждению, были сделаны в помещении пограничного контрольно-пропускного пункта. Однако на фотографии нет ничего убедительного, кроме билетов на поезд и ходатайства. Оно не может рассматриваться в качестве доказательства того, что просьба была фактически направлена властям. В

целом, как и в случае с 16 апреля 2017 года, нет никаких указаний на то, что заявители действительно предъявили какие-либо претензии литовским властям, ссылаясь на риск жестокого обращения в случае отказа во въезде.

9. В соответствии с устоявшейся прецедентной практикой Суда, когда заявитель утверждает, что Договаривающееся государство нарушило свои обязательства согласно статьям 2 или 3, он или она должны однозначно установить, что в случае возвращения в страну происхождения или третью страну, существовала реальная опасность жестокого обращения, в результате чего национальные власти могли выполнять свои обязательства согласно Конвенции (см. *F.G. v. Sweden*, вышеупомянутый § 125).

Большинство, помимо придания решающей важности слову «азул», которое используется вместо их подписей в решениях об отказе во въезде, исключает любое обсуждение последствий, которые следует проводить, когда это слово применяется в месте, предназначенном для подписей, и имена заявителей начинаются с буквы «А» не затрагивают аргументы правительства, таких как отказ заявителей от доступных средств правовой защиты – независимо от их отлагательного характера – против таких решений об отказе, в которых они могли бы недвусмысленно поднять вопрос о предоставлении убежища и довести свою просьбу до сведения властей, которые в таком случае не могли бы проигнорировать их просьбу. Кроме того, постановление само ссылается на внутреннее прецедентное право, показывающее, что в случаях, когда был сделан подлинный запрос о предоставлении убежища, суды обязали компетентные органы разрешить соответствующим лицам въезд на территорию Литвы (см. пункты 48-50 постановления).

10. Вкратце, мы считаем, что, несмотря на отсутствие каких-либо убедительных доказательств в этом отношении, большинство согласилось с предположением о том, что заявители ходатайствовали о предоставлении убежища на литовской границе. Кроме того, большинство не затронуло ряд основополагающих вопросов, касающихся толкования статьи 3 Конвенции, а именно вопрос о том, следует ли разграничивать нынешнюю ситуацию и ситуацию высылки, и какие конкретные обязательства на нее распространяются. Это лишило нас возможности голосовать большинством и установить факт нарушения статей 3 и 13 Конвенции.